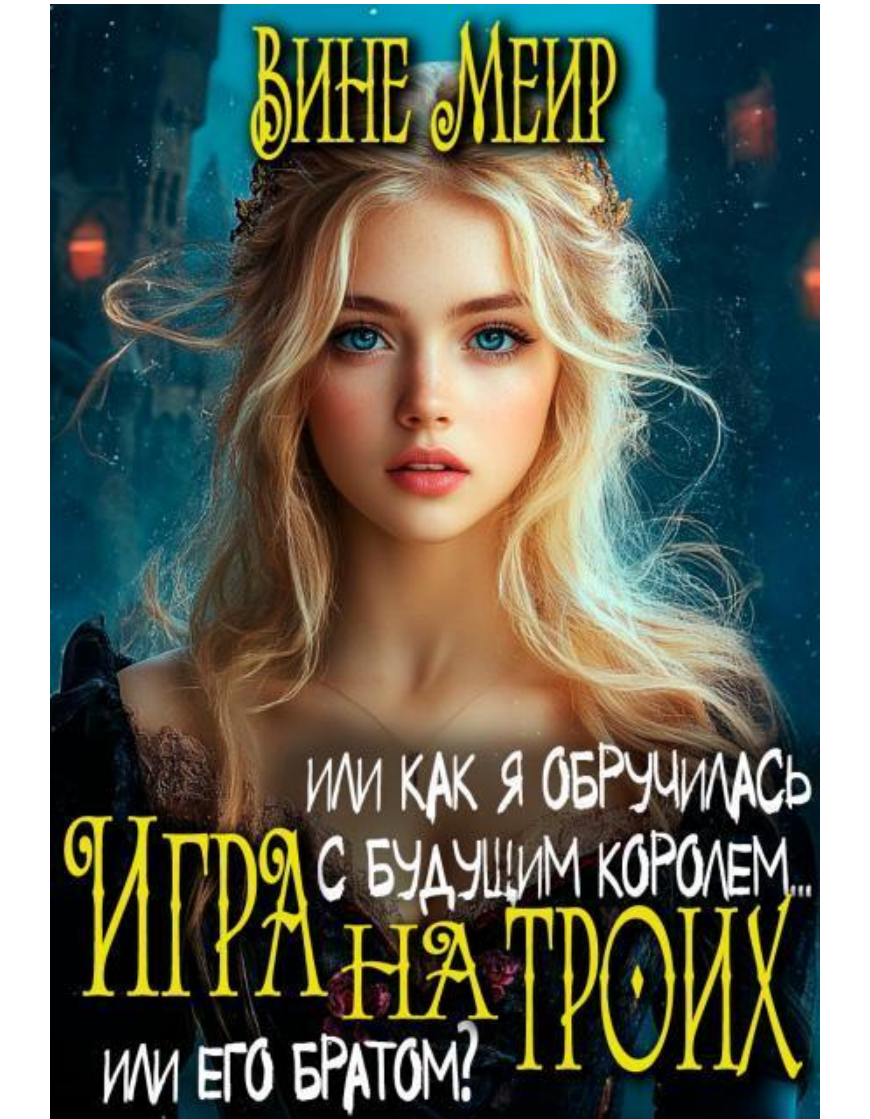

ВИНЕ МЕИР

ИЛИ КАК Я ОБРУЧИЛАСЬ

ИГРА С БУДУЩИМ КОРОЛЕМ...

ИЛИ ЕГО БРАТОМ?

НА ТРОИХ

Вине Меир

Игра на троих. Или как я обручилась с будущим королем...

<https://litres.ru/74213722>

Аннотация

Я — Эйвелин Леверье, дебютантка первого сезона, и моя обязанность проста: блистать на балах, ловить восхищённые взгляды и выбрать достойного мужа. Мой отец, барон Гердеоний Леверье, уже составил список претендентов, а матушка мысленно выставила из отчего дома, но судьба, кажется, имеет на меня иные планы.

На балу в честь первого выхода в свет, я впервые увидела их — Крон-принца Луи-Август де Вальмона и его брата-близнеца, Тириона, который предложил мне место подле короны. Что же получается? Один — наследник престола, холодный и недостижимый. Другой — его тень, с улыбкой, от которой кровь стынет в жилах, а истории о нем заставляют поражаться тому, насколько можно низко опуститься. И оба из правящей династии вампиров...

Теперь мне предстоит не только играть по правилам высшего общества, но и разгадать тайны королевской семьи, где каждый

шаг — ловушка, а чувства — опасная роскошь. Смогу ли я сохранить сердце и рассудок в этой игре, где ставка — моё будущее?

Светский роман с интригами, запретными чувствами и борьбой за власть. Ну или типа того...

Содержание

Глава 1	6
Визуал. Эйвелин (Эйли) Леверье	14
Глава 2	15
Визуал. Луи-Август.	26
Глава 3	27
Визуал. Родители Эйвелин	35
Глава 4	38
Визуал. Адран Валентайн	50
Бонус. Арт. Глава 4	52
Глава 5	53
Бонус. Арт. Глава 5	59
Глава 6	60
Бонус. Глава 6	70
Глава 7	71
Глава 8	79
Клодин Леверье	90
Глава 9	92
Глава 10	101
Иелая Вистра	111
Глава 11	112
Бонус. Арт. Глава 11	121
Глава 12	122
Глава 13	128

Визуал. Тирион.	136
Глава 14	138
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Глава 1

Имя моё — Эйвелин Леверье. Дочь барона Гордеония Леверье, наследница древнего, но слегка потускневшего рода, что верой и правдой служит короне уже не одно столетие. Наши мужчины — советники, казначеи, офицеры гвардии, те, кто держит в своих руках нити управления государством, те, чьи имена вписаны в историю королевства золотыми буквами. Наши женщины — жёны герцогов, графини, фаворитки при дворе, те, кто шепчет на ухо монархам, кто управляет светскими салонами, кто держит в своих руках не меньше власти, чем их мужья.

И сегодня мне исполнилось восемнадцать.

А это значит только одно — впереди меня ждет бал дебютанток, где меня заметит тот самый, тот, кто решит мою судьбу, тот, кто станет моим будущим, моим именем, моим положением в этом мире.

Но есть одно печальное «но»: в этом году — розово-голубые тона.

Я стою перед зеркалом в своей комнате, вглядываясь в отражение, пытаюсь разглядеть в нём ту самую Эйвелин Леверье, которая должна покорить сердца, а не вызвать насмешки.

Золотистые локоны уложены на голове в высокую причёску, открывающую вид на аккуратную тонкую шею, ту самую,

которую обычно так любят воспевать поэты нашего времени. Небесно-голубые глаза подчеркивает нежный макияж, выделяя в особенности их, и только лишь немного тени на губах, придавая им объема. Платье, сшитое на заказ у самой мадам Дюваль, облегает стан, подчёркивая хрупкие плечи и тонкую талию. Корсет, туго затянутый горничной, оставляет лишь ровные, мелкие вдохи, будто напоминая, что даже дыхание должно быть изящным, а шелк, расшитый серебряными нитями, переливается при свете канделябров, как перламутр.

Но мне кажется, что оно делает меня похожей на перезревшую розу — слишком ярко, слишком нарочито, слишком... отчаянно. Решать самой у меня пока права нет, так что я могу только терпеть.

В прошлом году моей старшей на год сестре Лауре повезло больше: бал был в синем. Идеальный цвет, чтобы подчеркнуть её аристократически-бледную кожу и зеленые глаза, те самые, что сводили с ума поклонников. После к ней выстроилась целая толпа желающих породниться, но она объявила о своем желании обучаться в академии при дворе, чтобы стать еще более полезной обществу. Как пощечина для матери. Она до сих пор кусает губы при этих словах, будто каждый раз заново переживает тот позор. Ох, сколько же было слухов! Даже пришлось закончить балльный сезон раньше и покинуть столицу, отправившись в родовое поместье на востоке.

К слову, двумя годами ранее был бежевый. Здесь уже по-

везло Мартине. От природы огненно-рыжие волосы на фоне бежевого были как маяк в тёмную ночь, как сигнал, который невозможно не заметить. Её взяли замуж меньше чем через месяц после бала. Тут уж матушке на радость, еще через почти год она понесла наследника.

— Эйвелин, ты готова?

Дверь распахнулась без стука, вырывая меня из размышлений. Ну конечно, зачем стучать, да? Это же моя комната, но, видимо, мои границы — это всего лишь условность.

Мать входит, поправляя кружевные перчатки, те самые, что стоили больше, чем месячное жалование нашего садовника. Её тёмно-зелёное бархатное платье шуршит при каждом шаге, а высокий шиньон огненно-рыжего цвета, украшенный жемчужной нитью, делает её осанку ещё более горделивой, ещё более... недостижимой.

Её взгляд зеленых глаз скользит по моему наряду (ткань для которого она выбирала самолично), и я заметила, как её губы слегка дрогнули. Да, Мартина была копия мама (и не только внешне, рожать детей она заимела привычку от нее, потому что они уже ждали второго). А мне достались волосы и глаза отца. Ну, не буквально, конечно же, но достаточно, чтобы это было заметно.

— Да, матушка, — коротко отвечаю ей я, стараясь не выдавать дрожь в голосе.

— Не сутулься, — она резко подошла и выпрямила мне спину ладонью между лопаток, будто я была куклой, кото-

рой нужно придать правильную форму. — И не сжимай веер так, будто он тебя оскорбил. Веер — это твоё оружие. Им ты покажешь своё отношение к разговору, желаешь ли ты его продолжения, или предпочтёшь воздержаться...

Я разжимаю пальцы. Резная кость веера уже оставила красные отметины на коже, напоминая, что даже в безобидных вещах может скрываться боль.

— Простите.

— Сегодня вечером за тобой будут следить все, — её голос звучит тихо, но каждое слово врежется, как нож. Это не просто наставления — это приказы, — Ты — предпоследняя незамужняя Леверье. На тебя смотрят не только как на девушку, но как на последнюю надежду породниться с нашим родом.

Ну да, а между строк я читаю: «Не подведи меня как Лаура».

— Есть еще Клодин, — коротко подмечаю я, будто пытаюсь переложить часть ответственности на младшую сестру.

— Она еще дитя. Многое может измениться за это время. Так, что я говорила? Спину ровно!

И я снова выпрямляюсь, как солдат перед смотром.

Бал дебютанток — это не просто праздник.

Это аукцион. Нам вдальбливают это с малых лет.

И сегодня я — главный лот.

— Да, матушка... простите, — проговариваю я, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле, пытаюсь вырваться наружу.

Не прошло и минуты, как дверь снова распахнулась — на этот раз с таким оглушительным грохотом, что хрустальные подвески люстры зазвенели, как испуганные колокольчики.

— Ого! Вот так цвет!

Клодин влетает в комнату как ураган, её босые ноги шлепают по паркету, а рыжие кудри, ещё не укрощённые горничными, пляшут вокруг веснушчатого лица, будто живые и не желают подчиняться никому на свете. Она кружит вокруг меня, прищулив голубые глаза, словно торговец на рынке, оценивающий подозрительно дорогой товар.

— Тебе точно не повезло в этом году, — она фыркает, тыча пальцем в переливчатый розовый шелк, который казался теперь ещё ярче, ещё насыщеннее, ещё нелепее на фоне её насмешливого взгляда. — Выглядишь, как торт на именинах у герцогини де Монро. Может, даже останешься старой девой! — добавила она.

Я стискиваю зубы так, что челюсть заныла, но не поддаюсь на провокацию, и не даю ей удовольствия увидеть, как её слова ранят меня. Клодин было всего четырнадцать, и она ещё не осознавала всей серьёзности ситуации, не видела дальше собственного носа. Через четыре года она сама окажется на этом проклятом аукционе, затянутая в корсет, в платье, которое выберут за неё, под взглядами мужчин, которые будут смотреть на неё, как на очередную фамильную драгоценность — оценивая блеск, чистоту и возможную прибыль, словно она всего лишь вещь, предмет торгов, а не

живой человек.

— Спасибо за поддержку, — сухо произношу я, натянуто улыбаясь, стараясь сохранить хоть каплю достоинства. — С радостью посмотрю на тебя в будущем, когда тебя нарядят в лимонно-жёлтое или, боги храни, оранжевое. — добавляю я так ядовито, что даже сама удивилась.

— Ладно, не злись, — она ухмыляется, явно довольная своей дерзостью и умением выводить меня из себя. — Просто представь, как смешно будет, если тебя никто не пригласит на танец. Весь вечер стоять у колонны, как забытый букет!

Мать, до этого молча наблюдавшая за нашей перепалкой, подала свой голос:

— Клодин, довольно! — как удар хлыста, резко, неожиданно, безжалостно.

Сестра вздрогнула, но не сдалась — лишь подняла подбородок, как всегда делала, когда знала, что переступила черту, но не хотела признавать поражение.

— Иди, готовься к ужину, — продолжает мать, — И не забудь, то, что мы возвратимся поздно, не значит, что можно лечь попозже. Все новости — утром.

Клодин скорчила рожицу, но, почувствовав, что игра зашла слишком далеко, послушно выскользнула за дверь, оставив за собой лишь лёгкий, едва уловимый запах яблочного варенья — видимо, стащила что-то с кухни перед тем, как ворваться ко мне. Ну точно маленький воришка, не способ-

ный устоять перед сладким.

Мать вздыхает, закрыв глаза на секунду, собираясь с терпением, будто пытаюсь успокоить бурю внутри себя, а затем подходит ко мне и поправляет шпильку в моей причёске.

— Не обращай внимания. Она ещё ребёнок, — говорит она, уже тысячу раз повторяя эти слова. Меня это будто должно успокоить. Ей четырнадцать. И уже давно было пора понять, что она не ребенок, а будущая леди.

Нас с сестрами растили как солдат. Ты должен быть безупречен во всем. Завидую ли я Клодин? О, еще как! Ей дозволялось все! Маленькая проказница, которую так долго ждали. Конечно, матушка хотела бы больше сына, хоть одного, но бог не даровал. Зато отец нас очень любит! Хоть и бывает слишком часто в разъездах.

— Она права, — произношу я, глядя в зеркало, в своё отражение. Розовый шелк действительно кажется теперь почти пошлым, — Розовый — это провал.

Мать резко сжимает мои плечи, её пальцы впились в кожу сквозь тонкую ткань, а прикосновение было одновременно болезненным и успокаивающим.

— Не говори глупостей, — её голос становится тише, увереннее, — Ты — Леверье. Ты красива, воспитана, и за твоей спиной — триста лет верной службы короне. Сегодня вечером тебя обязательно заметят.

Я хотела спросить: А если нет?

Но не стала.

Потому что ответ был написан в истории нашей семьи: неудачниц, не вышедших замуж до двадцати трех, отправляли в монастырь, подальше от глаз, подальше от позора, подальше от всего, что делало жизнь жизнью.

А я не хочу заканчивать, как тётя Марго.

Визуал. Эйвелин (Эйли) Леверье

Наша юная главная героиня.

Знакомимся и запоминаем, какой мы себя представляем при прочтении....

Глава 2

Бальный зал сияет, словно гигантская шкатулка, наполненная драгоценностями. Хрустальные люстры, подвешенные к расписному потолку, бросают тысячи бликов на отполированный до зеркального блеска паркет, а оркестр в углу играет что-то томное и сладкое, как марципан, — мелодию, под которую так удобно шептаться и строить козни.

Гости кружатся в танце, их шёлковые платья и расшитые камзолы сливаются в пестром калейдоскопе. Дамы прячут улыбки за веерами, кавалеры оценивающе скользят взглядами по молодым дебютанткам — товару, выставленному на ежегодный брачный аукцион.

Я стою у колонны, обвитой золотыми гирляндами, стараюсь не привлекать внимания. Моё розовое платье, казавшееся таким ярким в спальне, здесь теряется среди изумрудных, лазурных и пурпурных нарядов.

«Как хорошо, — думаю я. — Пусть все смотрят на герцогиню де Шанталь, прошлогоднюю дебютантку, в её ослепительном серебре или на графиню де Бовэ, дебютировавшую еще годом ранее с Мартиной, с её знаменитыми сапфировыми подвесками. Лишь бы не на меня.»

Но судьба, как всегда, оказалась ко мне неблагоприятна.
— Мадемуазель Леверье.

Голос прозвучал прямо за моей спиной, и я едва не

вздрыгнула. Обернувшись, я увидела графа де Монтескье — высокого, как кипарис, с холодными серыми глазами и улыбкой, которая не достигала взгляда. Он часто бывал у нас в гостях, обсуждая с отцом дела и иногда бросая на меня оценивающие взгляды.

— Позвольте пригласить вас на танец, — он склонил голову, и свет люстры скользнул по его тщательно напомаженным тёмным волосам.

Я знаю, что это не просто жест вежливости. Граф был одним из самых завидных женихов сезона. К сожалению, уже не молодым, но финансово обеспеченным... «Богатым, как Крез, и старым, как эти дурацкие фамильные портреты в его замке», — яростно подумалось мне.

Мордочка сама сделала неприятное выражение лица.

«Боги, да я ему в дочери гожусь! На что он рассчитывает?»

Я уже открываю рот, чтобы вежливо отказаться (или не очень вежливо — в зависимости от того, сколько шампанского успело в меня влиться), но тут за плечом раздаётся звонкий, как колокольчик, мужской голос:

— Прошу прощения, кажется, она уже обещала первый танец мне!

Я машинально поворачиваю голову и замираю.

Передо мной стоит молодой человек с каштановыми волосами, забранными назад, и бледной, почти серой кожей, в дорогом, расшитом золотом мундире. Его глаза — цвета

янтаря, или даже как осенняя листва, — смотрят на меня с лёгким любопытством.

«Кто это? Я никогда не видела его в свете... не могу припомнить...»

— Ваше Высочество, — граф де Монтескье склоняется в почтительном поклоне, и у меня отвисла челюсть.

«Высочество?»

«Это принц?»

Но... принц же...

Мои мысли бешено закружились в голове, как листья в вихре. Крон-принц Луи-Август де Вальмон? По слухам, человек, который ненавидит балы и светское общество в целом? Что он здесь делает?!

Я поспешно делаю реверанс, чувствуя, как розовый шелк платья шелестит от резкого движения.

— Не стоит, мадемуазель, — он слегка наклоняет голову. — Вижу вашу растерянность.... — последовала пауза, — Так что?

— Что? — слово вырвалось само собой, и я мысленно похоронила все свои шансы на удачный брак. Матушка бы мне веером по голове надавала, услышь только, как я обратилась к принцу.

Кажется, его это рассмешило, потому что я увидела, как уголки его губ дрогнули, а в глазах вспыхнули искорки веселья.

— Танец? — он протягивает мне руку, и его пальцы, тон-

кие и длинные, выглядят удивительно изящными для мужчины.

Я колебалась всего секунду.

— С удовольствием, Ваше Высочество, — наконец отвечаю я, кладя свою руку ему на ладонь.

Граф де Монтескье, получивший наглый отказ, исчез, растворившись в толпе, будто его и не было, пока не поползли слушки,

А оркестр заиграл вальс громче.

Рука принца легла мне на талию — уверенно, но без навязчивости. Едва ощутимое тепло сквозь тонкую ткань перчаток заставило меня вздрогнуть. Я кое-как успеваю ухватиться за его плечо, ощутив под пальцами жесткий шелк мундира и упругий мускул под ним, как оркестр взмывает вверх по нотам, и музыка подхватывает нас, закружив в вихре звуков и бликов.

Кругом мелькают лица — дамы с румянами на щеках, кавалеры с напудренными париками, стареющие кокетки, прячущие морщины за кружевными масками. Воздух был густ от духов, воска и сладковатого запаха пота. Где-то за спиной чей-то веер упал с жеманным вздохом, слева две девицы шепчутся, не сводя с нас глаз, а прямо передо мной — он.

— Вы танцуете превосходно, мадемуазель, — его голос звучит тихо, так что никто, кроме меня, не может расслышать, что он говорит. Слова будто скользят по моей коже, оставляя мурашки.

Я делаю шаг, чувствуя, как юбки шелестят вокруг ног.

— Это потому, что вы ведёте, Ваше Высочество, — отвечаю я, стараясь не сбиться с ритма.

«Боже, он пахнет лесом после дождя... и чем-то ещё, тёплым, как старый пергамент. Как те книги, что я тайком читала в библиотеке отца. Запрещённые книги» .

— Луи, — поправляет он, и его пальцы слегка сжимают мои.

Я чуть не наступила ему на ногу.

— Простите?

— Если уж мы танцуем, то можем обойтись без титулов.

«Он предлагает мне называть его по имени? Это... неприлично. Это...»

Я представила, как матушка хватается за сердце, услышав такое. Как гувернантка мадемуазель Боннэ падает в обморок. Как граф де Монтескье, тот самый, что только что ретировался с видом оскорблённого достоинства, пишет донос королю...

— Тогда и я — просто Эйвелин, — выпаливаю я, прежде чем успела подумать.

Его губы дрогнули в улыбке — лёгкой, почти невидимой, но от этого вдруг стало жарко. Я вдруг поняла, что он вовсе не выглядел так, как все принцы из моих фантазий — холодными, надменными куклами в позолоте. Нет, в его глазах читалось живое любопытство. Будто я была не очередной дебютанткой на выданье, а... чем-то невероятно интересным.

— Эйвелин, — повторяет он, растягивая звуки, словно пробуя имя на вкус. — Вы не похожи на других девушек здесь.

Я закусила губу.

— Это комплимент?

— Констатация факта.

Я засмеялась, несмотря на себя. Где-то слева герцогиня Аркур бросила на нас осуждающий взгляд — смеяться вальсе было верхом неприличия.

— А вы не похожи на принца.

— О? — он приподнимает бровь, и тень от люстры скользит по его скулам. — А каким, по-вашему, должен быть принц?

Я задумалась, следуя за его шагами.

— Ну... Надменным. Скучающим. Уверенным, что весь мир обязан пасть к его ногам.

— Ужасно скучно, — он слегка наклоняется, и его дыхание, тёплое, с оттенком вина, касается моего уха. — А если я скажу вам, что ненавижу балы, но пришёл сюда только ради одного танца?

Музыка сменилась — теперь она звучит глубже, томнее, как змея, обвивающая жертву.

— Тогда я спрошу — почему?

— Потому что, — его рука чуть сильнее сжимает мою, — когда я увидел вас у колонны, вы смотрели на этот зал так, словно мечтали сжечь его дотла.

Я замерла.

«Он заметил. Он действительно заметил.»

В зеркалах по стенам мелькают наши отражения — его тёмный силуэт и моё розовое платье, будто два пятна на идеальной картине.

— Это... не совсем так, — пытаюсь я соврать.

— Врёте, — он улыбается, и в этот момент музыка обрывается.

Гости захлопали. Кавалеры склоняются перед дамами. Но он не отпускает мою руку.

— Ваше Высочество, танец окончен, — шепчу я.

— Но разве вам не интересно, что будет дальше?

Я чувствую, как десятки глаз впиваются в нас. Где-то зашептались.

— А что будет дальше?

Он наклоняется ещё ближе, и его губы почти касаются моей кожи, когда он шепчет:

— Например, я могу предложить вам...

— Тирион!

Голос прозвучал, как удар хлыста, разрезая шум бала. Я обернулась — и сердце мое замерло, будто ледяная рука сжала его в груди.

На широкой мраморной лестнице, освещенной мерцанием сотен свечей в хрустальных люстрах, стоит... «он».

Точнее, почти он. Тот же, с кем я сейчас танцевала.

Тот же высокий стан, те же резкие черты лица, тот же си-

ний с золотом мундир королевской гвардии. Но если мой кавалер улыбался с лёгкой, почти дерзкой непринужденностью, то у этого взгляд был холодным, как зимний рассвет над замерзшим озером.

— Прощу прощения, мадемуазель, кажется, нашу прогулку придётся перенести, — вздыхает мой спутник, но пальцы его всё ещё сжимают мою руку — слишком крепко, будто он боится, что я исчезну, если он отпустит.

Я перевела взгляд с одного на другого, чувствуя, как мысли путаются, как будто кто-то встряхнул мою голову, словно снежный шар.

«Это... шутка? Мистификация?»

— Братец! — воскликнул «Луи» — нет, Тирион — с превеликой радостью, словно они встретились после долгой разлуки, а не посреди бала, где один из них явно выдавал себя за другого.

«Боги...»

«Как я не догадалась?»

Тирион.

Младший брат крон-принца.

Тот, о котором в свете ходили слухи — то ли безумец, то ли гений, то ли просто позор королевской семьи. Его имя упоминали шепотом, за веерами, с усмешками и вздохами. «Принц-сорванец», «проклятие королевской крови», «Тот, кто никогда не сядет на трон».

И как я могла поверить, что на меня обратит внимание

сам крон-принц? Смешно.

— Ты украл мой мундир, — произносит настоящий Луи-Август, спускаясь с лестницы. Его голос был тихим, но в нём слышалось стальное лезвие, готовое в любой момент вонзиться в горло.

Тирион рассмеялся — и в этом смехе было что-то дикое и неукротимое.

— Мне он больше идёт. К тому же они почти одинаковые.

В зале воцарилась гробовая тишина. Дамы замерли, подняв веера к бледным лицам, кавалеры перестали шептаться, застыв с бокалами в руках. Даже оркестр, кажется, затаил дыхание — последние ноты вальса замерли в воздухе, точно испуганные птицы.

Я стою между ними, как на поле боя, чувствуя, как десятки глаз впиваются в мой стан, в моё лицо, в мои дрожащие пальцы.

«Что они видят? Очередную глупую дебютантку, попавшую в ловушку принца-проказника?»

Луи — нет, кронпринц Луи-Август — медленно подошел к нам. Его шаги отдавались эхом во внезапно наступившей тишине, тяжелые, размеренные, как шаги палача, приближающегося к эшафоту.

— Мадемуазель, — он склонил голову в формальном поклоне, но глаза его не отрывались от моего лица, — прошу прощения за недоразумение. Мой брат известен своей... любовью к розыгрышам.

Тирион фыркнул, откинув прядь темных волос со лба.
— Недоразумение? Брат, ты всегда так скучно всё называешь.

«Что теперь будет?»

«Будет ли скандал?»

Но вместо этого кронпринц... улыбнулся?

Тонко, едва заметно, будто вспомнил что-то забавное.

— Ты выдавал себя за наследника короны. По закону — это измена.

Тирион хмыкнул, скрестив руки на груди:

— Разве? — Он внезапно поворачивается ко мне, и в его глазах вспыхивает озорной огонек. — Мадемуазель, посмел ли я выдать себя за кронпринца?

Я замерла.

«Он обратился ко мне?»

«Он хочет сделать меня соучастницей своего преступления?»

Я нервно сглотнула, чувствуя, как ладони становятся влажными. Потом поспешно выдернула свою руку из его пальцев и сделала реверанс, опустив глаза.

— Долгих лет...

— Не распыляйся ты перед ним так, — перебил меня Тирион, раздраженно махнув рукой. — Просто ответь.

Я поднимаю голову, встречая холодный, как лезвие, взгляд Луи-Августа.

— Нет, — вырвалось с моих губ само собой, — мы

лишь... просто танцевали...

В этот момент из толпы вырвалась матушка — её лицо было бледным, как мел, а губы сжаты в тонкую ниточку.

— Ваше Величество кронпринц, младшее Величество, — её голос дрожит, но она говорит быстро, словно боясь, что её перебьют, — Прошу прощения за то, что врываюсь в вашу беседу, но моя дочь по неопытности своей еще не знает, как положено вести себя на балу. Просим нас простить.

И прежде чем кто-либо успел ответить, она схватила меня за руку, буквально выдернула из этого опасного круга и потащила к выходу, сквозь ряды ошеломленных гостей.

— Позор... — сорвалось с её губ на выдохе, когда мы уже миновали последние пары.

Я не осмелилась оглянуться.

Но где-то за спиной мне почудился смех — легкий, беспечный, как ветер, уносящийся в ночь. И клянусь, я слышала слова Тириона: «А она забавная...»

Визуал. Луи-Август.

Крон-принц Луи-Август де Вальмон

Старший из братьев-близнецов

Возраст: Неизвестен (может быть скрыт в связи с вампирской природой)

— Обладает природной харизмой и безопасной уверенностью, которые привлекают людей, однако обычно предпочитает вести дела из-за кулис.

— Искусный манипулятор, который осознает силу знаний и следит за завистниками и потенциальными угрозами.

Как старший из братьев-близнецов, Луи-Август находится под постоянным давлением ожиданий, связанных с его ролью будущего правителя. Его преданность брату может проявляться через защиту и наставничество, а также чрезмерную опеку.

Глава 3

Дома царит буря.

Громовые раскаты материнского гнева сотрясают стены родового поместья столицы, заставляя даже портреты предков на стенах съёживаться в своих золочёных рамах.

— Позор на нашу семью! — матушка расхаживает по кабинету отца, её шлейф яростно взмечается за ней, будто разгневанный змей, готовый ужалить любого, кто осмелится перечить.

Я сижу на софе у входа, сгорбившись, как провинившаяся служанка, и впиваюсь взглядом в собственные колени, словно надеясь, что узоры на парче платья смогут дать мне ответ, как выбраться из этой катастрофы. Кажется, что даже складки моего платья выглядят виновато, неестественно съёжившись, будто пытаюсь спрятаться от материнского гнева.

— Успокойся, Далия! — отец сидит за массивным дубовым столом, его пальцы неторопливо перебирают пергаментные свитки, но взгляд напряженный, выдающий внутреннее беспокойство за эту показную невозмутимость. — Эйвелин не сделала ничего дурного. То, что произошло — просто ошибка, досадное недоразумение, не более. Наследный принц не станет наказывать нашу семью из-за того, что наша дочь станцевала с его братом.

Матушка резко разворачивается в его сторону, как фурия,

нападающая на того, кто первым подаст голос. По моей спине пробежали мурашки, будто кто-то провёл по ней ледяным ножом.

— Ну почему именно с «ним»? — её голос почти взрывается, достигнув той высоты, на которой даже хрустальные бокалы в буфете могли задрожать в унисон, будь мы сейчас в столовой. — Столько кавалеров было на балу! Не пересчитать! Танцуй с кем угодно, только махни веером в его сторону! Взять хоть того же графа де Монтескье!

— Боже, да он же старый! — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать, и тут же я пожалела о своей несдержанности.

Матушка замерла, её брови взлетели к самым волосам, пытаясь скрыться в высокой причёске от такого вопиющего непослушания.

— И? — она резко махнула рукой, отгоняя мои глупые возражения, как назойливую муху. — Быстрее откинется. Будешь сама себе хозяйка!

Отец фыркнул, прикрыв рот рукой, но тут же попытался придать лицу серьёзное выражение, хотя уголки его губ всё ещё предательски подрагивали.

«Хорошо ей говорить, у них брак по любви...»

— Далия, — он качает головой, — успокой свои нервы. Никто не умер. Никто не объявил нам опалу. Да и кто теперь вспомнит об этом через пару дней?

— Все вспомнят! — матушка хватается за виски, теперь

уже пытаюсь удержать разрывающуюся от ярости голову. — Ты не понимаешь, Гердеоний! Это же «Тирион»! Его имя и так на всех языках, а теперь ещё и наша дочь вписана в его очередную выходку!

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони, оставляя маленькие полумесяцы на нежной коже.

«Выходка».

Разве это была выходка?

Тирион не выглядел человеком, который сделал что-то плохое. Он просто пригласил меня на танец, помог избавиться от докучливого старикашки, который наверняка попытался бы увести меня в укромный уголок под предлогом «обсуждения выгодного брака». Можно сказать, спас меня.

И этот смех...

«А она забавная...»

Я невольно поднимаю глаза и встречаю взгляд отца. Он смотрел на меня с тихим пониманием, будто читал мои мысли, будто видел сквозь все мои сомнения и страхи.

— Эйвелин, — его голос мягкий, почти тёплый, — что ты думаешь обо всём этом?

Матушка резко обернулась, её взгляд впился в меня, ожидая моего ответа, будто от него зависела судьба всего нашего рода.

Я глубоко вздыхаю, чувствуя, как воздух дрожит в лёгких.

— Я... не знаю, — я осторожно перевожу взгляд на матушку, стараясь не дрогнуть под этим напором.

— Она «не знает», нет, ну ты слышал?

— Но мы не делали ничего дурного! — снова восклицаю, перебивая ее в ответ, — Просто один танец... и всё.

Тишина повисла в воздухе, густая, как туман над утренним парком. Даже часы на камине замедлили свой ход, будто ожидая, чем закончится этот разговор.

Матушка закатила глаза так сильно, что, казалось, они вот-вот останутся смотреть в потолок навсегда.

— «Просто один танец», — передразнивает она, складывая руки на груди так резко, что кружева на её корсаже затрепетали, как испуганные птицы. — Один танец с Тирионом де Вальтером — это как «просто один раз упасть в реку с крокодилами»!

Отец прикрыл глаза, явно молясь о терпении, или, может быть, о том, чтобы этот разговор поскорее закончился. Если матушка заводилась, это надолго. Но последний раз «так» сильно она завелась год назад. Когда Лаура решила не выходить замуж, а заняться своим обучением.

— Далия...

— Нет, Гердеоний! — она резко подходит ко мне, и я невольно вжимаюсь в спинку софы сильнее, чувствуя, как узорчатая ткань впивается в спину. — Ты хоть понимаешь, что теперь весь двор будет обсуждать, как дочь барона Леве-рье танцевала с младшим принцем? Как он держал тебя за руку? Как смеялся?

Я сжимаю губы до боли, чувствуя, как кровь приливает к

щекам.

— Он... не смеялся надо мной! А вместе со мной, это другое!

— Ах, вот как! — матушка всплескивает руками резко, воздух со свистом пронесся между её пальцами. — Ты уже защищаешь его?

— Я просто говорю, как было!

Отец поднимает руку, прерывая наш спор, и в этот момент его движение показалось мне таким же властным, как если бы он остановил целую кавалерию одним жестом.

— Хватит. — Его голос звучит тихо, но так, что даже матушка на секунду замолчала, будто её слова застряли в горле. — Что сделано, то сделано. Теперь важнее другое: что будет дальше? Подождем, что будет завтра. И сколько женихов придут на сватовство. После разберемся со слухами.

В свою комнату я вернулась без сил.

Скрип дубовой двери, тихий шелест ткани по паркету, слабый аромат лаванды.

Лунный свет пробивается сквозь тяжелые синие шторы, оставляя на стенах причудливые узоры, будто кто-то невидимый рисовал серебряными чернилами. Высокий потолок с лепниной в виде виноградных лоз, резное деревянное изголовье кровати, туалетный столик с разложенными флаконами духов — все это осталось таким же, как когда я покинула комнату перед балом, но сейчас казалось совсем чужим.

Я медленно расшнуровала корсет, чувствуя, как каждый

освобожденный дюйм тела вздыхает с облегчением. Платье, тяжелое от вышивки и бисера, соскользнуло на пол, оставив после себя лишь легкий шепот шелка.

«Один танец», — мысленно повторила я, разбирая сложную прическу.

Зеркало на стене отражало мое лицо — бледное, с тенью усталости под глазами, но с необъяснимым блеском в зрачках.

«Почему?»

Почему именно сейчас, после стольких лет безупречного поведения, я позволила себе эту слабость?

Я опускаю шпильки в фарфоровую шкатулку, и их звонкий перезвон напоминает мне смех Тириона — такой же легкий, беззаботный, но с какой-то скрытой глубиной.

Ванна с лепестками роз должна была успокоить нервы, но вместо этого лишь разожгла воспоминания. Горячая вода обжигала кожу, напоминая о том, как его пальцы едва коснулись моей руки во время танца.

«Это ничего не значит», — убеждаю я себя, закутываясь в мягкий халат.

Но стоит мне лечь на кровать и закрыть глаза, как перед ними снова возник он.

Тирион.

Его улыбка, чуть кривая, будто он знал какую-то шутку, которой не собирался делиться. Его пальцы, обхватившие мою руку так легко, будто мы танцевали вместе всю жизнь.

И его брат. Луи. Наследный принц. Холодный как морозное утро, но с этой легкостью в разговоре.

Я резко переворачиваюсь на бок, впиваясь лицом в подушку, набитую пухом.

Чувство, будто я попала в какую-то игру, в которой не знаю правил.

«Глупости.»

Один танец — и я уже веду себя как героиня дешевого романа, вздыхающая по первому встречному кавалеру. Да еще и по «такому».

Тирион де Вальтер.

Младший принц.

«Беспутный. Ветренный. Опасный»

Именно так о нем говорили за спиной. Именно так его описывали в светских хрониках. Именно так матушка толковывала мне с двенадцати лет:

«Держись от него подальше, если не хочешь, чтобы твою репутацию растоптали вместе с твоим же глупым сердцем».

Но сегодня...

Сегодня он не выглядел ни ветренным, ни опасным.

Сегодня он выглядел...

Настоящим.

Я потянулась к ночному столику, где стоял подсвечник с давно погасшей свечой, и провела пальцем по холодному воску.

«Что во всем этом правда?»

Слухи? Предостережения матери? Или тот миг, когда его глаза встретились с моими, и в них не было ни насмешки, ни расчета — только искренний интерес? Или... когда он меня подставил, но я охотно приняла его обман... что же... такое... между нами произошло?

Визуал. Родители Эйвелин

Гердеоний Леверье

— Барон

— Отец главной героини

— Глаза: Голубые

— Цвет волос: Блондин с сединой

— Обладает утонченным и благородным обликом, характерным для аристократов:

Фигура: Среднего роста, с подтянутым телосложением, что подчеркивает его статус.

Стиль: Одевается с изысканным вкусом, предпочитая классические костюмы, которые подчеркивают его высокое положение в обществе.

Аксессуары: Часто носит небольшие аксессуары, такие как серебряные запонки или изысканные часы, что добавляет шарм его образу.

— Человек принципов и честности, его характер формировался под влиянием строгих правил аристократического общества:

Ум: Обладает выдающимися лидерскими качествами и проницательностью, всегда стремится понимать окружающий мир и свою семью.

Заботливость: Искренне заботится о своей дочери и ее будущем, всегда готов прийти на помощь в трудные времена, несмотря на строгость.

Мудрость: Жизненный опыт и знания позволяют ему выступать в роли наставника для главной героини, обеспечивая ей разумные жизненные советы.

Гердеоний старается создать для дочери безопасное и беззаботное детство, но и не забывает о важности формирования ее характера:

Поддержка: Всегда готов поддержать и защитить свою дочь, даже если их мнения расходятся.

Общение: Проводит время с дочерью, обсуждая различные вопросы, начиная от искусства и заканчивая политикой, что помогает ей развивать критическое мышление.

Требовательность: Несмотря на свою заботу, Гердеоний требует от дочери соблюдения этикета и норм поведения, что ведет к иногда жестким дисциплинарным мерам.

Далия Леверье

— Родство: Мать главной героини

— Цвет волос: Рыжие

— Глаза: Зеленые

— Фигура: Стройная, с грациозными линиями, что подчеркивает ее женственность.

— Стиль: Предпочитает элегантные платья и наряды, акцентирующие внимание на ее рыжем волосе и выдающейся

индивидуальности.

— Аксессуары: Часто носит украшения в виде натуральных камней, что подчеркивает ее природное обаяние.

Далия — женщина с сильным духом и мягким сердцем, которая умеет находить баланс между заботой и свободой:

- Творческая натура: Обладает ярким художественным складом ума, интересуется живописью и музыкой, иногда рисует и пишет стихи.

- Заботливость: Искренняя и внимательная мать, всегда готова поддержать свою дочь, помогая ей разгадать прелести жизни и радости творчества. Даже если не подает это на блюдецке с голубой каемочкой.

- Природа: Любит проводить время на чаепитиях и светских вечерах, собирая свежие сплетни новости.

Глава 4

Завтракали мы молча.

Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь кружевные занавески, ложатся на скатерть причудливыми узорами, но никто не обращает на это внимания. Даже серебряные приборы, обычно сверкающие, кажутся сегодня тусклыми, словно разделяя наше напряжение.

Отец выглядит сосредоточенным, читая газету, но я знаю — он не видит ни единой строчки. Его пальцы чуть сжимают край страницы, выдавая внутреннюю тревогу.

Матушка уже несколько минут держит чашку с кофе у губ, не делая глотка. Её взгляд был устремлен куда-то вдаль, будто она мысленно перебирала все возможные последствия вчерашнего бала.

А Клодин...

Моя младшая сестра сверлит меня взглядом, щурясь так, будто все уже знала, но ждала, когда кто-то первым откроет рот.

— Ну как, прошел бал? — наконец сорвалось у неё, сладким, ядовитым тоном.

Я медленно подношу ложку к губам, стараясь не дрогнуть.

— Много женихов сегодня ждать? — продолжила она, нагнетая.

Её улыбка была слишком широкой, глаза — слишком бле-

стящими. Она определенно точно наслаждается этим.

Я сжимаю приборы в руках так сильно, что металл впился в ладони.

— Клодин, — предупреждающе тихо, но твердо произносит отец, не отрываясь от газеты.

Она тут же прикусывает свой длинный язык, но её взгляд все еще говорит: «Ты не отделаешься так просто».

Матушка наконец ставит чашку на блюде с легким звяканьем.

— Через несколько часов двери будут открыты для женихов, желающих пообщаться в неформальной обстановке. Надо подготовиться.

Её голос звучит ровно, почти механически, будто она зачитывала инструкцию.

— С прической сильно заморачиваться не будем. Распустим несколько локонов, остальное соберем в хвост. Платье — голубое, с рюшами. То, что пошили на прошлой неделе.

Я чуть не подавилась кусочком булки.

«Вот она, моя матушка.»

Уже собрала себя в кулак и действовала по заранее наметенному плану.

Я украдкой взглянула на нее. Её пальцы, безупречно ухоженные, обхватывают чашку так, что ногти впиваются в фарфор чуть сильнее, чем обычно.

— А если... — начала я, но тут же замолчала.

— Если что? — матушка поднимает на меня взгляд.

— Если... никто не придет?

В комнате повисла тишина. Даже Клодин перестала жевать.

Отец медленно складывает газету и кладет ее рядом с тарелкой.

— Тогда будем считать, что нам повезло, — произносит он спокойно.

Матушка резко встает, отодвинув стул с громким скрипом.

— Ничего подобного. — Её голос дрогнул, но лишь на мгновение. — Мы не будем прятаться. Мы не будем делать вид, что ничего не произошло. Мы будем вести себя так, будто все идет по плану.

Она обводит нас всех взглядом, и в её глазах вспыхивает тот самый огонь, который я видела только в самые трудные моменты.

— Потому что так оно и есть.

Я опускаю глаза. В глубине души я знаю, что она права. Но от этого не становилось легче.

Клодин наконец проглотила свой кусок и ухмыльнулась.

— Ну что, сестрица, готовься к параду женихов.

Я сжимаю кулаки под столом.

«Готова ли я?»

Первый час прошел в тишине.

Я просто сидела на диване, уткнувшись в книгу, но не

вчитываясь в строки. Пальцы механически перелистывали страницы, а мысли упорно возвращались к вчерашнему вечеру, будто привязанные невидимой нитью к тем мгновениям, которые я так отчаянно пыталась забыть. Слова на бумаге расплывались перед глазами, превращаясь в бессмысленные черные закорючки, а в голове звучал все тот же навязчивый вопрос: «Как же все теперь изменится?»

Звон колокольчика у парадного заставляет меня вздрогнуть, словно кто-то провел ледяным пальцем по моей спине. Сердце забилося чаще, но я сделала вид, что не заметила.

«Глубокий вдох. Выдох. Не сейчас. Не сейчас. Не схвати паническую атаку...»

Шел уже второй час, пришел сын герцога Аркура — Витольд.

Дверь отворяется, и в залу входит он — высокий, уверенный, с той самой улыбкой, от которой у меня всегда холодело внутри.

— Мадемуазель, — он склоняет голову, и солнечный луч, пробившийся сквозь тяжелые шторы, скользит по его темным волосам, выхватывая из полумрака залы острые скулы и тонкие губы, сложенные в вежливую, но слишком самодевольную улыбку.

Я встаю, поправив складки платья — чисто автоматически, чтобы занять руки чем-то, кроме дрожи.

— Витольд. Как приятно вас видеть.

Ложь.

Он знает. Я просто стараюсь быть вежливой, чтобы поскорее от него избавиться, чтобы этот визит не затянулся дольше необходимого.

Маркиз стоит передо мной, застывший в полупоклоне, как будто ждет, что я брошусь ему в объятия или хотя бы проявлю хоть каплю радости от его появления. Тошнит. От него. От его улыбки, выглядящей слишком уверенной, от взгляда — слишком оценивающего. Просто воротит от всего него.

Он осматривает меня так, будто я была скаковой лошадью, на которую он собирался сделать ставку, и ему важно было убедиться, что я не хромаю перед забегом.

— Вы сегодня особенно очаровательны, — произносит он, беря мою руку и целуя ее с преувеличенной галантностью, будто играет роль в каком-то театральном представлении.

Его губы были холодными и влажными.

«Противно»

Но надо терпеть.

— Благодарю, — я едва слышно отвечаю, отдергивая руку чуть быстрее, чем следовало бы по правилам приличия.

Витольд усмехается, будто моя реакция его только позабавила.

— Ну что, мадемуазель, — он по-хозяйски усаживается в кресло напротив, развалившись с непринужденностью человека, который знает, что его здесь ждали, что его присут-

ствие — не просто визит, а проверка. — Как вам вчерашний бал?

Я прямо чувствую, как от его слов по спине пробежали мурашки.

— Прекрасно, — отвечаю я, опуская глаза, чтобы он не увидел в них ни капли правды.

— Правда? — он приподнимает бровь, будто удивленный моей наивностью. — А мне рассказывали... кое-что интересное.

В комнате стало тихо. Так тихо, что я слышу, как где-то за окном пролетела птица, резко взмахнув крыльями.

«Так вот зачем он пришел. Стервятник... для мамыши своей добываешь свежие сплетни?»

«Ты мне никогда не нравился. Даже за «детским столом». Вечно ты задира л нос своим титулом и тыкал в нас тем, что знаешь больше всех».

Я едва ли заметно сжимаю пальцы в кулаки, но лицо сохраняет спокойствие. Мы больше не дети и просто кинуть в него песком, и сказать, что это была случайность, я не могу.

— Витольд, если вы хотите что-то сказать, скажите.

Он на мои слова лишь рассмеялся — слишком громко, слишком неестественно.

— О, нет-нет, — он откидывается на спинку кресла удобнее, чуть меняя положение, играя перстнем на пальце, будто размышляя, стоит ли продолжать эту игру. — Просто... мне всегда нравилось наблюдать, как люди пытаются сохранить

лицо.

«Да что ты говоришь, аристократичный индюк...»

Матушка, стоявшая у двери, резко кашлянула. Нам не положено было оставаться наедине. Так не создалось бы ненужных слухов, и о моей задетой чести не возникло бы лишних вопросов. Но сейчас я жалею, что не могу выбежать отсюда с криком: «Он ко мне приставал», это решило бы основную проблему его присутствия в моей жизни.

— Маркиз, — произносит матушка ледяным тоном, — если ваш визит не несет добрых намерений, то, пожалуйста, не тратьте наше время.

Вежливо ты его послала, однако.

Витольд медленно поднимается, но его улыбка с его лица не исчезла.

— Простите, если я вас чем-то задел. — Он склоняет голову, но в его глазах не было ни капли раскаяния. И это бесило. — Я просто хотел... убедиться, что мадемуазель в порядке.

— Я в порядке, — произношу я быстро.

— Рад это слышать.

Он задержал взгляд на мне на секунду, затем повернулся к двери.

— До скорого, мадемуазель.

Когда дверь за ним закрылась, я выдохнула, будто только что вынырнула из-под воды.

— Ну и наглец, — прошипела Клодин, выглядывая из-за

портьеры, куда она спряталась при первых же шагах Витольда.

Но я знаю — это только начало.

Витольд не просто так пришел.

Он пришел насладиться моментом.

И теперь все остальные женихи будут делать то же самое.

Я снова сжимаю кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

«Сколько их еще будет?»

В коридоре раздались шаги.

Третий звонок.

Я закрываю глаза.

«Господи, дай мне сил...»

По всем правилам прием женихов должен был идти до самого вечера.

И он шел.

Пришел не один и не два, хотя я втайне надеялась, что их окажется поменьше, что, может быть, хоть кто-то проявит благоразумие и не станет топтаться на моем пороге с этими дежурными улыбками и натянутыми комплиментами.

Кто-то, как Витольд, с хищной ухмылкой спрашивал, как мне бал, будто уже знал ответ и лишь ждал, когда я сама себя запутаю в словах. Кто-то — совсем неуверенный, краснеющий, запинаящийся на каждом слове, — предлагал обед или прогулку, словно это могло что-то изменить. А кто-то,

напротив, был слишком уверен в себе, разглагольствовал о своих достоинствах, будто я уже должна была пасть к его ногам от одного только факта его появления.

Матушка всем вежливо улыбалась, соблюдая приличия, будто ничего не происходит, будто это просто обычный день, обычные визиты, и эти люди, входящие сюда... нет... один из них должен был стать моим будущим мужем, но я пока не увидела ни одного достойного кандидата.

А на душе было пусто.

Пусто и холодно.

Я отвечала, кивала, даже улыбалась, когда требовалось, но внутри не было ничего, кроме усталости и тихого, но настойчивого вопроса:

«Когда же это закончится?»

А звонок в дверь звучал снова.

И снова.

И снова.

Дверь открывается без лишнего стука, и в гостиную входит герцог Адран Валентайн. Солнечный свет, спешащий к горизонту, падающий из высокого окна, зажигает рыжие оттенки в его собранных в хвост волосах, а легкая улыбка смягчает обычно строгие черты лица.

— Пришли попытать удачу, герцог? — я протягиваю руку, но вместо галантного поцелуя он просто шутливо щелкает по моим пальцам, как делал в детстве.

— Эвелин! — матушка ахнула, но герцог лишь рассмеял-

ся, его зеленые глаза сверкнули весельем.

— Леди Леверье, не ругайте ее, — обращается он к ней, — Неужели вы думаете, что та, кого я знаю с пеленок, вдруг начнет церемониться со мной наедине? Было бы глупо на это надеяться!

— Наглец! — я скрестила руки на груди, но не смогла сдержать улыбку. — Так вы считаете меня невоспитанной?

— Нет, просто искренней, — он усаживается рядом, развалившись в кресле с непринужденностью старого друга. — И если уж на то пошло, я пришел не «попытать удачу» после двух отказов от твоих сестер, а проверить, жива ли ты после вчерашнего.

Матушка нахмурилась, но Адран лишь подмигнул ей, и она, скрепя сердце, отступила к окну, делая вид, что не слушает.

— Ну что, — он понижает голос, — как ты?

Я опускаю глаза.

— Как видишь.

— Витольд уже был?

— Был.

— Графа де Монтескье?

— Еле спроварила...

— Сколько всего пришло?

— Человек двадцать... не знаю, я не считала.

— И?

— И ничего.

Адран вздохнул, постучав пальцами по ручке кресла.

— Эвелин, если тебе нужно...

— Не нужно, — я резко поднимаю голову. — Ничего не нужно.

Он замолчал, изучая мое лицо. Потом вдруг ухмыльнулся.

— Ладно. Тогда хотя бы скажи, что ты думаешь о графе де Ланже?

— О ком?

— Тот, что в синем камзоле. Вчера пялился на тебя, как сова на мышь.

Я фыркнула. Раз видел как тот на меня пялился, что ж за вечер сам не подошел ни разу? А, точно, ему же надо было крутиться возле пышных юбок и низких декольте...

— Если он придет, спрошу, не перепутал ли он бал с охотой.

Адран рассмеялся от моих слов, и на мгновение в комнате стало светлее.

— Вот за это я тебя и люблю, — он встает, поправляя манжеты. — Не давай им себя сломать.

— А ты не давай мне советов, которых я не просила, — парирую я, но в голосе уже не было прежней горечи.

Он поклонился, на этот раз уже по всем правилам этикета, и вышел, оставив после себя легкий запах кожи и цитрусов.

Матушка вздохнула.

— Ну хоть один пришел не за сплетнями.

Я молча киваю, глядя на закрытую дверь.

В коридоре снова раздались шаги.

«Следующий...»

Но... на наше с матушкой удивление, это был просто посылный.

— Письмо из дворца?

Визуал. Адран Валентайн

— Герцог

— 20 лет

— Длинные рыжие волосы, которые Адран обычно собирает в низкий хвост, придавая своему облику нотку элегантной рафинированности.

— Среднее телосложение, что позволяет ему выглядеть достаточно подтянутым и спортивным, но без излишнего напряжения.

— Интеллигентный и харизматичный молодой человек, обладающий утонченным чувством юмора. Он часто может шутить о своих визитах к сестрам Эйвелин, подчеркивая остроту своего ума и дипломатическое мышление. Несмотря на свою высокую позицию, он остается доступным и дружелюбным для всех, с кем общается, что служит ему отличным качеством в роли герцога.

— Адран ценит семейные узы и стремится поддерживать хорошие отношения с членами своей семьи.

— Любит участвовать в благотворительных балах и светских встречах, где может продемонстрировать свои дипломатические навыки и обаяние.

— Интересуется литературой и искусством, часто посещает театры и выставки, что помогает ему оставаться в курсе модных тенденций и культурных событий своего времени.

— Стремится одновременно быть другом и защитником, готовым прийти на помощь в любой ситуации.

— «Имел честь приходить к каждой из моих старших сестер...»

Бонус. Арт. Глава 4

Глава 5

Рука скользит по водной глади. Вода в ванне почти остыла, но я продолжаю сидеть, надеясь, что останусь тут навсегда.

Письмо из дворца с приглашением на чаепитие звучит почти также как приглашение на собственную казнь.

Сам крон-принц прислал его. Он хочет меня видеть? Я показалась ему интересной? Или он узнал, что я его обманула, и решил поквитаться? Но я не сделала ничего преступного. Просто соврала, что его брат им не притворился.

«За такое вообще наказывают?»

Я потянулась к тумбе рядом, развернула письмо снова, будто между строк могло появиться что-то новое — какая-нибудь подсказка, объяснение, угроза. Но нет. Все те же вежливые, выверенные слова:

«Мадемуазель Эйвелин Леверье, Его Высочество Крон-принц Луи-Август де Вальмон будет рад вашему обществу за чаем завтра, в четыре часа пополудни, в Малом салоне Восточного крыла королевского дворца».

Ни намёка на причину. Ни единого слова о вчерашнем бале.

— Может, он просто вежлив? — бормочу я себе под нос, но тут же дергаю плечами.

Крон-принцы не приглашают на чай «просто так».

Вода окончательно остыла. Я резко встаю, оборачиваюсь в халат, висящий на ширме, и бросаю письмо на туалетный столик. Оно легло рядом с маминой шкатулкой для украшений — той самой, что она подарила мне на шестнадцатилетие, той самой, где лежало кольцо с аметистом, подаренное мне бабушкой. «Для решительного шага», — говорила она.

Я прикусила губу до боли, глядя на кольцо. Холодное и безмолвное, будто насмехалось надо мной. Какой «решительный шаг»? Бежать? Признаться? Или, может, вонзить нож в грудь крон-принцу и покончить с этим разом? А чем мне это поможет? Почему я вообще думаю об этом, если мне нужно просто выбрать себе жениха и покинуть семью? Я могу отказаться от чаепития и... и тогда...

Глупости. Тогда я опозорю всю свою семью и буду ничуть не лучше чем тетушка. Я думаю о всяких глупостях.

Я захлопнула шкатулку с таким треском, что даже горничная за дверью вздрогнула.

— Мадемуазель? — осторожно постучала она в дверь. — Ваша матушка просит вас к ужину.

Как вовремя. Удобно.

— Сейчас, — ответила я, но не двинулась с места.

Письмо.

Я снова беру его в руки.

«Будет рад вашему обществу».

Кто он вообще такой, этот Луи-Август, чтобы радоваться моему обществу? На балу он едва удостоил меня взглядом

— холодным, как сталь.

— Черт, — прошептала я.

— Мадемуазель! — вскрикнула горничная за дверью, снова привлекая мое внимание.

— Да иду я, — бросаю я несколько раздраженно, поправляя халат.

Письмо снова падает на столик.

«В четыре часа пополудни».

До чаепития оставалось меньше суток.

Я подхожу к зеркалу. Лицо в отражении было бледным, глаза — слишком широкими, будто я уже стояла на эшафоте.

— Ну что, Эйвелин, — шепчу я своему отражению, — какой твой решительный шаг?

На следующее утро дом взрывался от суеты.

Шум, гам, топот ног — все смешалось в каком-то безумном вихре, точно не просто готовились к чаю с крон-принцем, а собирались штурмовать королевский дворец.

— Не *«это»* платье, — матушка хлопала в ладоши так громко, что, казалось, стекла в окнах задрожали, а горничные металась между шкафами, как перепуганные птицы, хватая то одно, то другое, но неизменно получая в ответ лишь раздраженное: «*Нетакнетакнет!*» — Что ты вообще думала, надевая бордовое на чай с крон-принцем?

Она произнесла это так, будто я предложила явиться в лохмотьях или, того хуже, в мужском камзоле. Как плевков в

лицо будущего правителя.

— Хочешь ткнуть ему прямо в лицо их происхождением?
— матушка закатила глаза, будто уже видела, как нас выволокут на площадь и прилюдно выпарят за «оскорбление величества цветом ткани».

— Может, тогда тебе пойти, раз ты лучше знаешь, как надо себя вести и одеваться, — пробормотала я, но тут же получила увесистый шлепок веером по плечу.

— Ауч!

— Эвелин Леверье, если ты сейчас не прекратишь, я лично отправлю тебя в монастырь!

— Простите, матушка...

В итоге, после бесконечных споров, вздохов и перебранок, выбрали бледно-голубое — скромное, но изысканное, с серебряной вышивкой по подолу, будто специально созданное для того, чтобы кричать: «Смотрите, какая я невинная и покорная!»

— Как раз для невинной дебютантки, — удовлетворенно кивнула матушка.

Я чувствовала себя куклой, пока меня приодевали, затягивали, припудривали и украшали. Смотрю на себя в зеркало и думаю: «Праздничный торт перед подачей на стол».

— Еще один шпиль — и я сломаю себе пальцы, — прошептала устало Мари, вонзая в мои волосы очередную жемчужную булавку с таким усердием, будто пыталась пригвоздить мне мысли к черепу.

Я дернулась, и острый металл царапнул кожу за ухом.

— Черт! Мари, осторожнее!

— Вот видите, — горничная склонилась ко мне, — даже волосы от вас шарахаются. Расслабьтесь! Если даже вы не можете, как быть мне?

В зеркале отражалось лицо, до неузнаваемости приглаженное, припудренное, причесанное в безропотность. Даже родинку на скуле — ту самую, которую когда-то называли «пикантной» — скрыли слоем перламутровых белил, как какой-то постыдный изъян.

— Я похожа на фарфоровую статуэтку, — пробормотала я, — Вот-вот хрустну....

— Вы похожи на ту, кого не посадят на кол, — поправила Мари и сунула мне в руки веер, — Теперь помолчите, пожалуйста. Подошью прямо на вас там, где висит.

Карета подкатила ко дворцу ровно в без четверти четыре.

— Держи голову высоко, — прошептала матушка, поправляя шляпку так, что кружева царапали кожу. Конечно она переживала, ведь в приглашении отчетливо был написано только мое имя, и это значило, что идти я должна одна, и сейчас от меня зависит благочестивость нашей семьи, — И ради всего святого, не спорь с ним.

Я фыркнула, глядя в окно на мраморные ступени, по которым уже скользили тени слуг.

— Я никогда не спорю с королевскими особами.

— Врешь, ты постоянно со всеми препираешься, но ты

больше не дитя. И хохотать от того, как мило это выглядит — никто не будет, — буркнула она, но тут же заставила себя улыбнуться — той самой натянутой, сладкой улыбкой, которой прикрывали скандалы на балах. — Просто помни: одно неверное слово — и твой отец останется без торговых контрактов. А ты — без будущего.

Меня окатили ледяной водой без ведра.

— Я помню, матушка. И буду вежливо и прилично себя вести.

— Я уж надеюсь.

Бонус. Арт. Глава 5

Глава 6

Дворец встретил меня молчаливым презрением.

Само здание, веками впитывавшее спесь и высокомерие своих обитателей, теперь смотрело на меня свысока. Каждый шаг по бесконечным коридорам, выложенным черно-белым мрамором, отдавался в висках глухим эхом. Как будто пол шептал: «Ты здесь лишняя».

Золоченые зеркала, в которых мое отражение казалось бледным пятном, портреты предков крон-принца — все они смотрели на меня с одинаковым холодным любопытством, оценивая, достойна ли я ступать по этим плитам.

«Ах, вот она — та самая Леверье, что осмелилась лгать семье де Вальмон», — казалось, шептали стены.

Лакей, проводивший меня, избегал моего взгляда, точно я была чем-то неприятным, что лучше не замечать. Или мне так только показалось? А может, такие гости были здесь слишком часто и он просто предпочитал не различать их для своего личного спокойствия. Одна родинка Леди Вальт, расположенная на пол лица, могла бы испортить аппетит на несколько недель вперед. В частности, когда она не удосуживалась избавиться от пучка волос, торчащих из нее, и любое съеденное пирожное оставляло свои следы на ее лице, как бы аккуратно она не старалась есть. А ОНА ВООБЩЕ НЕ СТАРАЛАСЬ!

— Его высочество ждет вас в Малом салоне.

Я сжала веер так, что костяные пластинки впились в ладонь, оставляя на коже красные отметины. Если бы матушка видела, как я порчу дорогую вещьцу...

Я нервно сглотнула.

Дверь открылась беззвучно — дворец затаил дыхание, ожидая, чем же закончится эта встреча.

Крон-принц Луи-Август де Вальмон стоит у окна, залитый послеполуденным светом, весь в золоте и черном бархате. Волосы прилежно уложены назад. Стоит спиной ко мне. Лучший шанс для атаки в спину, если бы не факт его происхождения.

«Нарочно так стоит, — подумалось: — Чтобы я успела испугаться».

— Мадемуазель Леверье, — он обернулся медленно, давая мне время рассмотреть его профиль: острый подбородок, чуть насмешливый изгиб губ. — Как мило, что вы приняли мое приглашение.

Голос — ровный, как поверхность озера перед грозой.

Но глаза...

О Боже, глаза.

В этих янтарных плавала искорка чего-то острого, хищного, будто он уже видел, как я дрожу, и наслаждался этим.

Я делаю реверанс, чувствуя, как трясутся колени, а ткань платья шелестит. Клянусь, я слышу как она вопит: «Подбери меня и беги отсюда прочь!» Но, возможно, у меня просто

богатое воображение.

— Ваше Высочество, вы ведь оказываете мне такую честь. Разве могла я не принять приглашения?

«Говори спокойно. Не дрожи. Не дай ему понять, что ты боишься».

Он рассмеялся — тихо, почти ласково, но в этом смехе не было ни капли тепла.

— О, не скромничайте. После вчерашнего я обязан был уделить вам хоть какое-то внимание.

Вчерашнего.

Я буквально чувствую, как холодная капля пота скатывается по спине, застревая в тугой завязке корсета. Даже ей некуда бежать. А что делать мне?

— Ведь по моей неучтивости вы так рано покинули бал, ваш первый официальный выход в свет как молодой девушки, — продолжает он, подходя к столу.

— Я на вас не злюсь, — поспешила я его уверить.

— Мне все же стоит извиниться также от лица своего брата. Он не должен был втягивать вас в наши... личные перепалки.

Я чуть не задохнулась.

Личные перепалки.

Так он это называет?

— А сам он извиняться не умеет? — вырвалось само собой. Закусила губу и мысленно себя поругала. Обещала ведь не пререкаться! А что теперь?

Принц замер, брови чуть приподнялись.

— Хотите лично его лицезреть? Я приглашу...

Нет. Нет, ради всего святого, только не это.

— Вовсе нет, — быстро отвечаю я.

Он улыбнулся, словно только этого и ждал.

— Чай? — указывает принц на сервиз из тончайшего фарфора, расписанного серебряными змеями.

Я коротко киваю, прохожу к столу, стараясь не спотыкаться о собственные ноги, будто пол подо мной внезапно стал зыбким, и сажусь, сжимая руки на коленях так крепко, что пальцы побелели, оставляя на коже бледные отпечатки.

— С удовольствием, — отвечаю принцу, голос прозвучал чуть более хрипло, чем я рассчитывала.

Луи наклонился, чтобы налить мне чаю, его рука на миг задержалась в воздухе, будто он раздумывал, не вылить ли кипяток мне на платье, чтобы увидеть, как я вскрикну. Но нет.

Он лишь улыбнулся — улыбкой, в которой не было ни капли тепла, — и сел напротив, откинувшись в кресле с видом человека, который знает, что время работает на него. А так оно и было. Он же будущий монарх.

Тишина.

Только тиканье часов где-то в углу, отсчитывающих секунды до катастрофы, да легкий звон фарфора, когда принц поправлял свою чашку.

Я провожу взглядом по залу — охрана за дверьми, ни ду-

ши больше, ни единого свидетеля, который мог бы вмешаться, если что-то пойдет не так. А если я не возьму себя в руки — это запросто сможет случиться.

— Кто-то еще будет присутствовать при чаепитии? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, а не так, будто я пытаюсь убедить себя, что не одна в этой комнате с хищником.

Принц отхлебнул чай, не отрывая от меня взгляда, и поставил чашку с тихим, но отчетливым стуком.

— Беспокойтесь о том, что я могу сделать что-то, что опорочит вашу честь?

Я в замешательстве, но быстро взяла себя в руки, подняв чашку, чтобы скрыть дрожь в пальцах. Да кто вообще так прямо выражается? Он разве не должен следить за своей речью? И вообще-то он прав! Если он принц, это не значит, что можно игнорировать правила.

— Вовсе нет. Переживаю о том, чтобы после вас не коснулись подобные разговоры. Еще подумают, будто я вешалась вам на шею или сделала что-то непростительное.

Его губы дрогнули, но улыбка не исчезла — лишь стала еще более острой.

— О, мадемуазель Леверье, какая вы заботливая!

— Все, чему меня учили, ваше Величество... Все, чему учили.

— Но разве вам не стоит бояться нечто иного?

Я чувствую, как холодная тяжесть опускается в живот, но

не подаю вида.

— Если вы намекаете на свое происхождение, то нашей семье, как и народу вашей страны, доподлинно известно, что вы относитесь не к классу людей. Но переживать об этом я не стану. Если бы вы желали наказать за что-то мою семью, либо просто утолить свой голод...

— Вампиры.

Даже не дал закончить мысль.

Я замерла, воздух вокруг внезапно застыл.

— Что, простите?

Он рассмеялся — коротко, почти беззвучно, лишь уголки губ дрогнули.

— «Не к классу людей», говорите как есть. Мы вампиры. И мы правим этой страной.

Я медленно выдыхаю, собираясь с мыслями.

— Верно... — соглашаюсь с ним.

Принц наклонился вперед, его глаза вспыхнули — не метафорически, а буквально, на миг загоревшись кровавым отблеском.

— Снова не произнесли. Так боитесь этого слова? Или для вас оно звучит как оскорбление? Считаете себя угнетенной?

Что за вопрос? Я сжимаю кулаки под столом, но лицо хранит в себе спокойствие.

— Вы пригласили меня, чтобы услышать, что я о вас думаю? Или извиниться? — решила я ответить на его игру: вопрос на вопрос.

Он задумался, будто взвешивая мой ответ, а затем развел руками с театральным жестом.

— Одно другому не мешает.

Я прикусила губу, но затем расслабила плечи.

— Нет, меня это нисколько не угнетает, — все же решаю ответить, — Ваш отец — превосходный правитель, справедливый и мудрый. И если вы хоть на толику похожи на него, и будете править также славно, я и слова не скажу о том, что недовольна вами, или вашим происхождением.

— Вот как.

— Верно. Так.

Тишина. Солнечный луч разделяет пространство между нами, будто невидимая граница. В воздухе витает терпкий аромат чая с бергамотом и что-то еще — тонкий, почти неуловимый запах старых книг и воска.

Принц медленно проводит пальцем по краю своей чашки, оставляя на позолоте едва заметный след.

— А что вы думаете о моем брате?

Вопрос прозвучал неожиданно, он любитель менять темы, но в глубине души я знала, что он неизбежен. Всю прошлую ночь, ворочаясь в постели, я представляла этот разговор, прокручивала возможные ответы, строила защитные стены из слов. Как оказалось не зря.

Я делаю глоток чая, чтобы выиграть время. Горячая жидкость обожгла язык, но я даже не поморщилась.

— Его высочество Тирион? — переспрашиваю нарочито

медленно, словно у королевской семьи мог быть еще один брат, словно он передумает, или в мгновение забудет о том, что задал подобный вопрос.

Луи-Август кивнул, его глаза сузились.

— Он... харизматичен, — осторожно начала я, подбирая самое нейтральное слово, какое только могла придумать.

Принц фыркнул.

— Это все?

Я чувствую, как кровь приливает к щекам. Это стыд или смущение? Не могу понять.

— Я не считаю, что мне следует обсуждать поведение его высочества. В частности то, что он...

Я замолчала, осознав, что попала в его ловушку. Так вот зачем все это? Все эти разговоры о происхождении, о моем страхе — лишь чтобы поймать меня на словах о младшем принце?

— Представился мной? Договаривайте, — мягко подтолкнул меня принц.

Я глубоко вдыхаю, ощущая, как корсет сдавливает ребра.

— Позвольте честно? — спрашиваю я, поднимая глаза.

— Позволяю.

— Даже если вас это оскорбит? — уточняю я, зная, что играю с огнем.

Его губы дрогнули в полуулыбке.

— Можете ответить как есть. И я не рассержусь, обещаю.

— Хорошо. Я скажу. — Я выпрямилась, чувствуя, как

учащается пульс. — У вас слишком завышенная самооценка. И вам кажется, будто все крутится вокруг вас.

— Твое сердце колотится слишком быстро.

— Это лишь от волнения. Но даже если и так, вам не следовало лезть мне в... сердце? Ваш брат только и всего, что предложил мне танец, чтобы спасти меня от... неприятного мне человека. Он не сделал ничего, о чем вы могли подумать.

Тишина.

Луи замер, его пальцы застыли на ручке кресла. Затем он медленно наклонился вперед.

— Ложь... как ни посмотри.

Звучит больше как вопрос, нежели утверждение.

— Чистая правда. — Я поднимаюсь с места, чувствуя, как подол платья цепляется за ножку стула. — Если вы мне не верите — это ваше право. И, если вы пригласили меня только для того, чтобы это обсудить...

Я делаю шаг назад, всем видом показывая свое намерение уйти.

— Присядьте, прошу, — его голос звучит неожиданно мягко, и он жестом указывает на кресло. — Я не желал вас оскорбить.

Я заколебалась, но затем медленно опустилась обратно, чувствуя, как дрожь в коленях становится все заметнее.

— Что же вы тогда желали? — спрашиваю я прямо, прежде чем страх мог снова взять верх.

— Мне просто было интересно, что его так зацепило в вас.

Я прикусила щеку изнутри, чувствуя, как в груди что-то сжимается.

— Вы нашли свои ответы?

— Пока нет. — Он улыбнулся, — Ничем не выделяетесь среди других. Но, может, пойму позже.

— Да вы сама тактичность, — пробормотала я, не в силах сдержать сарказм.

Принц рассмеялся снова.

— О, мадемуазель Леверье, вы становитесь все интереснее. Еще чаю?

Бонус. Глава 6

Глава 7

Вечерний воздух был прохладен, пропитан ароматом увядающих роз из придворного сада и тонким запахом керосина от недавно зажженных фонарей.

После чаепития меня проводили обратно к уже ждущей карете. Я машинально притянула шаль ближе к плечам (спасибо, что мне ее «выдали») чувствуя, как дрожь пробегает по спине — то ли от холода, то ли от только что закончившегося разговора.

Карета стояла в тени высоких кипарисов, их острые силуэты чернели на фоне багряного заката. Позолоченные детали экипажа тускло поблескивали, а на дверце отчетливо виднелся герб королевской семьи — три серебряные лилии на лазурном поле.

Лакей в ливрее с тем же гербом почтительно раскрыл дверцу, и я уже собиралась ступить на подножку, как вдруг из темноты внутри раздался знакомый голос:

— Ну что, как прошла ваша беседа с моим дражайшим братом?

Я вздрогнула, едва не уронив шаль, что придерживала рукой. Сердце бешено заколотилось, а в висках застучало.

«Неужели он осмелился?»

В глубине кареты, развалившись на бархатных подушках цвета спелой сливы, сидел сам принц Тирион. Его глаза сме-

ались, отражая последние лучи заходящего солнца, а в уголке губ играла та самая дерзкая усмешка, из-за которой я впервые почувствовала еще на балу, что королевский двор — место куда более опасное, чем казалось.

— Ваше высочество! — вырвалось у меня, и я тут же осеклась, оглядываясь — не услышал бы кто.

— Тише, тише, золотко, — он махнул рукой, его перстень с темным сапфиром сверкнул в полумраке. — Здесь только ты, я и пара преданных мне слуг, которые, кстати, ничего не видели. И если ты сейчас не сядешь в эту карету, мы рискуем привлечь куда больше внимания, чем нужно.

Я в нерешительности замерла у двери. Внутри все кричало, что это ловушка, что здесь нельзя доверять никому, особенно ему — второму принцу, известному своей способностью запутывать даже самые простые ситуации. Но что мне оставалось? Отказаться и вызвать скандал?

— Вы... поджидали меня? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он наклонился вперед, его лицо оказалось так близко, что я почувствовала легкий аромат бергамота и чего-то пряного — возможно, восточного табака.

— Конечно. Разве мог я пропустить момент, когда ты выйдешь от Луи с таким очаровательно растерянным видом? — Его тон был насмешлив, но в глазах мелькнуло что-то серьезное, почти настороженное. — Ну? Он тебя допрашивал обо мне?

Я вздохнула и, наконец, шагнула внутрь, позволяя карете поглотить меня.

«Почему бы им просто не сесть и не поговорить друг с другом? Зачем впутывать в свои игры меня?»

Дверца захлопнулась с глухим стуком, и внезапно мир сузился до этого тесного пространства, где пахло кожей, воском и его дорогим парфюмом все с тем же запахом пряного.

— Он спрашивал, что я о вас думаю, — призналась я, глядя в окно. Да куда угодно, но только не на него.

Тирион рассмеялся.

— Ах, Луи... Вечно ему нужно знать, что у других в голове. И что же ты ответила?

— Что вы харизматичны.

— И всё?

— Ну... я могла бы добавить, что вы наглы, непредсказуемы и любите появляться там, где вас меньше всего ждут. Но об этом я узнала мгновение назад. Мне вернуться и рассказать?

Он хмыкнул, в его взгляде промелькнуло что-то похожее на одобрение на мою дерзость, но рассчитывать на это до конца мне не стоило.

— А ты и правда забавная, — произнес принц и щелкнул пальцами.

Казалось бы, что такого в этом жесте? Да только карета тут же тронулась, и от неожиданности я чуть не потеряла равновесие, едва не упав прямо на него.

— Что вы...

— Не волнуйся, я просто решил тебя проводить, — перебил он, не дав договорить. Его рука на мгновение коснулась моего локтя, будто чтобы удержать, но тут же отпустила.

— Это излишне, — пробормотала я, отодвигаясь к противоположному сиденью плотнее.

— О, совсем наоборот, — его голос внезапно стал тише, почти интимным. — Видишь ли, если мой брат начал интересоваться тобой, значит, ты уже в игре. А я просто не могу позволить такой очаровательной пешке остаться без защиты. К тому же... я сам ввел тебя в это.

Я сжала пальцы в кулаки до боли, чувствуя, как на коже остаются красные отпечатки кружевного узора. Это начинает входить в привычку — подавлять свои эмоции.

— Я не пешка, — голос прозвучал резче, чем я планировала. — И уж тем более не играю ни в какие игры.

Тирион усмехнулся.

— Пока что — да, — согласился он, играя перстнем на пальце. — Но если будешь осторожна, и беспрекословно послушна, возможно, станешь будущей королевой.

Карета качнулась на повороте, и в окне мелькнули огни дворцовых фонарей, отражающиеся в черной воде канала.

«Королева?»

Я даже не знаю, пугает меня эта мысль или заставляет сердце биться чаще.

— В каком это смысле? — решила я спросить напрямую,

хотя внутри все сжалось от нехорошего предчувствия.

Он вздохнул, словно объяснял что-то очевидное ребенку.

— Видишь ли... наш отец, ваш правитель, как ты знаешь, занемог, — его голос стал тише, но в нем не было ни капли сочувствия, будто бы он только этого и ждал. — Конечно, вампиры живут дольше людей, но и у нас бывают... разного рода болезни.

Я непроизвольно сглотнула, но не прервала его. Пусть излагает. Зато меньше спрашивает меня.

— Мой братец — первый наследник на трон, — продолжил он, проводя пальцем по краю окна, рисуя узоры, видимые только в его голове. — Он слишком серьезно относится к жизни и своему титулу, а еще слишком «бдит» за тем, как проживаю свою жизнь я. Мне это надоело.

— Пока что я не понимаю, причем тут я, — сказала я, хотя в глубине души уже догадывалась, куда он клонит. Не зря же заговорил про королеву...

— Все просто, — он улыбнулся, но в этой улыбке не было ничего доброго. — Ты станешь его невестой. И он отстанет от меня. Ему будет за кем заботиться, — это слово он произнес с легкой издевкой, — и кем командовать.

— Вы предлагаете мне... выйти замуж за вашего брата? — голос мой все-таки дрогнул, хотя я изо всех сил старалась сохранить ледяное спокойствие.

Тирион скрестил руки на груди. В полумраке кареты его черты казались резче, почти зловещими, а глаза светились

едва уловимым багровым отблеском.

— Не предлагаю. Говорю, что так будет. Если будешь меня слушаться.

— А если я откажусь? — спросила я.

Он посмеялся. Коротко. Пугающе. Так, что по телу пробежали мурашки.

— Милая, ты уже не можешь отказаться. Да и... есть ли смысл? Откажешься от такого титула? Возможности породниться с королевской семьей? И для чего? Чтобы выйти за того, кого выберут для тебя родители? — его голос стал почти ласковым, — Ты думала, что это просто игра? Красивые платья, балы, шепотки за спиной? Они выберут для тебя того, кого сами посчитают полезным. А мой... мой вариант лучший. Для тебя. Для них. Для всех нас.

Я резко отвернулась к окну. В груди клубилось что-то тяжелое — гнев? Отчаяние? Возбуждение?

— Это просто не честно, — прошептала я. — Вы предлагаете мне выбор, но выбора как такового не существует.

— Это не выбор, — поправил он, — Взаимовыгодное сотрудничество. Ты хочешь выбраться из той дыры, где родилась? Можешь даже не спорить, я видел твою мамашу. У нее пунтик на удачные браки. Я даю тебе шанс. У тебя будет корона. И масса свободного времени, пока мой братец занят государственными делами. Живи да радуйся. Кто знает, быть может, он даже тебя обратит, и ты будешь жить... не сказать, что вечно, но определенно точно дольше того, что тебе от-

мерил создатель.

— Я этого не просила! — вырвалось у меня.

Карета резко остановилась. Тирион наклонился вперед, его пальцы схватили и сжали мой подбородок — не больно, но достаточно твердо, чтобы я не могла отвести взгляд и смотрела только на него.

— Слушай внимательно, — его голос стал тише, но от этого только опаснее. — Луи уже заинтересовался тобой. Он верит, благодаря мне, благодаря слухам, благодаря информации, что ему предоставили, что ты — скромная, добрая девушка с чистой душой, которая по счастливой случайности пала жертвой моих «игр». Идеальная невеста для будущего короля. Если ты откажешься сейчас...

Он не договорил, но я поняла. Отказаться — значит разозлить его, второго возможного наследника престола. А разгневанные вампиры, как я уже успела нафантазировать, очень изобретательны в наказаниях.

— Почему я? — прошептала я, чувствуя, как ком подступает к горлу. — В столице сотни девушек, желающих занять это место...

— Потому что ты умнее их, тебе не интересны только украшения, да золото. Пустышки для моего замысла не годятся. Их можно переманить кошельком потолка, да и сболтнут лишнего. У тебя же прямо на лице написано «я хочу весь мир к своим ногам», — ответил он просто, будто это объясняло все. — И... потому что... раз уж один раз ты уже

мне подыграла...

Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Стоит это повторить?

Сердце пропустило удар.

— Просто расчет, золотишко. Чистый расчет.

Дверца кареты распахнулась. Мы стояли перед моим домом, но он казался чужим, будто я уже потеряла право называть его своим.

— Подумай, — бросил он мне, отстранившись. — Я буду ждать твой ответ три дня. А после... после сам все решу. Хочешь ты того или нет.

— А если я ему все расскажу? — выдавила я, хотя знала, что это пустая угроза.

Он усмехнулся.

— Попробуй...

Не успела я и ответить, как дверца захлопнулась, оставив меня стоять одной в холодном ночном воздухе, с одной лишь мыслью:

«Какого дьявола я вообще ввязалась в это?»

Глава 8

— Как всё прошло?

Голос матушки прозвучал словно из-под толстого слоя ваты — приглушённо, далёко. Я сидела за столом, уставившись в тарелку, где несчастный кусок мяса был искромсан в мелкие кусочки.

— Что?

Я вздрогнула, подняв глаза. Матушка смотрела на меня с тем выражением, которое я знала с детства — брови чуть сведены, губы сжаты. Она не просто спрашивала. Она вынюхивала. Ее ведь не пригласили на чай. А сплетни пойдут уже завтра. Вот и старается быть первой, кто хоть что-то узнает, чтобы после самой же разнести «весть» по округе о том, как «все было на самом деле».

— Я спрашиваю, как прошло? — повторила она медленно, положив вилку рядом с тарелкой.

Что мне ей ответить? Я не знаю. Сказать правду? Но что она сможет сделать? Испугаться? Запретить возвращаться ко двору? Или, что хуже, обрадоваться перспективе породниться с королевской семьёй? И потребует дать ответ младшему принцу незамедлительно. А что, если это все-таки его уловка? Просто игра, чтобы повеселиться, и обещанного сыра не будет, а будет только мышеловка?

— Всё хорошо, — ответила я, стараясь, чтобы голос зву-

чал ровно.

Матушка не отводила взгляда.

— Звучит не очень уверенно.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как в груди клубится что-то тяжёлое — смесь вины и страха. Я не могу сказать правду. Но и лгать тоже.

— Всё хорошо, матушка, просто укачало в пути после выпитого чая, не стоит волнений...

Тишина. Только треск дров в камине и лёгкий звон ножа отца, режущего свой стейк.

Да. В таком напряжении мы ещё никогда не ужинали.

— Далия, отстань от неё, — наконец вмешался глава семейства, откидываясь на спинку стула. Его голос был спокоен, но в глазах читалось лёгкое веселье. — Не видишь, девочка вся «завитала в облаках»!

Он ухмыльнулся, подмигнув мне, и я почувствовала, как уголки губ сами собой дёргаются в ответ. Если бы он знал, что дело явно не в том, насколько мне мог понравиться наследный принц, вслед которому вздыхала каждая третья не зависимо от возраста...

— Крон-принц так хорош? — поддразнил отче, и матушка фыркнула, но я заметила, как её взгляд стал чуть острее.

Я опустила глаза, чувствуя, как щёки начинают гореть. Вечно он меня подначивает.

— Да уж... хорош, — пробормотала я, протыкая вилкой последний несчастный кусочек.

Хорош? Если бы. Луи, он был... другим. Высоким, статным, с холодными, как лёд, глазами, в которых читалась не просто власть, а уверенность в ней. Но за этим скрывалось что-то ещё — что-то, что заставляло меня сжиматься внутри, когда он смотрел на меня.

А Тирион...

Я резко отпила вина, чувствуя, как тёплая жидкость обжигает горло.

Три дня.

Матушка вздохнула и наконец отвлеклась на свою тарелку, но я знала — этот разговор ещё не закончен. И она предъявит еще одну попытку позже, когда отца не будет рядом.

— Это что... Эйли станет королевой? — выдала внезапно Клодин, а я тут же поперхнулась вином. Так меня называли в детстве, и близкие и родные. Чаще всего в неформальной обстановке, поскольку иного не предполагал этикет.

— Клодин! Что за бестактность! — возмутилась матушка.

Но младшая сестра, не обращая внимания на общий дискомфорт, лишь небрежно пожала плечами, невозмутимо доедая свой десерт. Ее тонкие пальцы ловко орудовали серебряной ложечкой, выскребая последние капли сладкого крема со дна изящной фарфоровой чашечки. С основным блюдом она покончила гораздо раньше меня, слишком спешила поскорее перейти к самому главному.

— Ну а что? — ее голос прозвучал нарочито легко, — Все об этом думают. Просто не решаются сказать вслух. А я что?

Я могу.

Мои пальцы сжали край скатерти.

«Все об этом думают».

И это было хуже всего. Хуже, чем открытая конфронтация. Эти шепотки за спиной, эти многозначительные взгляды, которые я ловила...

— Клодин, хватит, — тихо и твёрдо сказал отец. Его густые брови сдвинулись в строгой складке, а пальцы постукивали по ручке ножа — верный признак растущего раздражения.

Но Клодин, как всегда, не сдавалась. Она откинулась на спинку стула, играя локоном своих рыжих волос.

— Почему? — голос звучал сладко, как тот самый десерт, что она только что доела. — Это же правда. Если принц Луи обратил на неё внимание, значит, у него есть планы. А если у него есть планы...

Она не договорила. Я резко встала, отодвинув стул с неприличным скрипом, который громко разнесся по тихой столовой.

— Мне нужно... проветриться, — прошептала я.

Матушка открыла рот, чтобы что-то сказать — наверное, очередное успокаивающее «она еще ребенок» или «не принимай близко к сердцу». Но отец лишь молча покачал головой, и этот жест был красноречивее любых слов: не тронь, дай ей уйти.

Я вышла из-за стола, шаги глухо отдавались по паркету

длинного коридора. Распахнув тяжелую дубовую дверь, я очутилась в саду, где ночной воздух был густ от опьяняющего аромата цветущего жасмина. Где-то вдалеке стрекотали сверчки, а листья шептались между собой, будто обсуждая мой позор.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь унять дрожь в руках. Где-то в доме звонко хлопнула дверь — наверное, Клодин наконец-то удалилась в свою комнату, довольная произведенным эффектом.

— Как же я её ненавижу, — прошептала я, сжимая кулаки. Да, было обидно.

Нет, в глубине души я, конечно, любила Клодин. Она же моя сестра, плоть от плоти, кровь от крови.

Но это не мешало мне чувствовать ту горечь, что поднималась в горле каждый раз, когда она говорила такие вещи, когда её голос звучал так сладко и невинно, а слова резали, как отточенный кинжал.

Но и родителей понять можно. Отец и матушка ждали долгожданного сына, наследника, продолжателя рода, того, кто унаследует титул, земли и фамильные драгоценности, кто будет достойным преемником нашего древнего имени. Но родилась я.

Матушка долго и много болела после родов, и врачи шептались, что больше детей у неё не будет, что её хрупкое здоровье не выдержит новых испытаний. Потому, когда спустя годы все же появился этот маленький ангелочек, дарованный

ей всевышним, он получал все, что хотел, каждую прихоть, каждую минутную блажь. Капризы исполнялись мгновенно, взгляд матери смягчался только для нее, и даже отец, обычно сдержанный и строгий, умилялся ее выходкам и детской непосредственности.

Старших сестер воспитывали в строгости — прямая спина, безупречные манеры, умение вести беседу и скрывать эмоции, держать лицо при любых обстоятельствах. А меня... после рождения младшей просто перестали замечать. Не то чтобы намеренно — скорее, я стала частью интерьера, тихой тенью, которая не доставляет хлопот, не требует внимания, просто существует где-то на периферии их мира.

До этого года.

Теперь я молодая леди. Теперь на мне платья с затянутыми корсетами, теперь я должна улыбаться на балах и ловить восхищенные взгляды, теперь мои движения должны быть грациозны, а речь — безупречна. Теперь я — разменная монета в их игре, фигура на шахматной доске, которую передвигают по своему усмотрению.

Скоро мне подберут «идеальную партию». Не любящего мужа, не верного друга — партию. Выгодную. Удобную. Такую, чтобы отец мог кивнуть с удовлетворением, а матушка — вздохнуть с облегчением, чтобы наш род приобрёл новые связи, новые возможности, новый блеск.

А я?

Я просто буду сидеть с опущенными глазами и говорить

«да», как подобает благовоспитанной девушке, как того требует долг, как диктуют правила этого мира.

Как... всегда.

Может... может быть Тирион прав? Лучшего предложения мне не поступит? И если сейчас я могу выбрать сама, забрав себе «всё», то к чему сопротивление, к чему эти сомнения, эта внутренняя борьба?

Шумный выдох.

Ночь была тихой, только листья шелестели на ветру, будто перешёптывались между собой, обсуждая мои мысли, мои страхи. Где-то вдалеке, за высокими каменными стенами дома, слышался лай сторожевых псов, их голоса разносились в прохладном воздухе. Я закрыла глаза, пытаюсь унять дрожь в руках, эту мелкую, предательскую дрожь, что выдавала моё волнение.

— Эйли?

Голос отца заставил меня вздрогнуть. Он стоял в нескольких шагах, его высокий силуэт выделялся на фоне тёмного сада, очертания его фигуры казались почти нереальными в лунном свете. В руках он держал два бокала, один из которых протянул мне, его пальцы крепко сжимали хрусталь.

— Вино. Тебе нужно.

Я взяла бокал, почувствовав, как прохладное стекло касается моих пальцев, а его гладкая поверхность контрастирует с моей дрожащей ладонью.

— Спасибо.

Он молча кивнул, затем сделал глоток, глядя куда-то вдаль, в темноту, где терялись очертания деревьев.

— Она не хотела тебя обидеть.

Я фыркнула, звук прозвучал грубо, почти по-детски.

— Она прекрасно знала, что делает.

Отец вздохнул, его плечи слегка поднялись и опустились под тяжёлой тканью камзола.

— Она молода. И глупа. Но ты права... она любит играть с огнём, не понимая, что может обжечься.

Я прижала бокал к груди, чувствуя, как холодное вино слегка покачивается внутри, а его тёмная поверхность отражает лунный свет.

— Отец...

Голос дрогнул, подхваченный ночным ветром, который играл в кронах старых деревьев. Я хотела сказать ему правду. Всю. Выложить перед ним, как драгоценности на бархатную подушку, каждую деталь: и про Луи, и про предложение Тириона, и про тот тяжелый, липкий взгляд, которым принц окидывал меня. Его глаза — такие же холодные, как у брата, но без капли тепла — скользили по моей фигуре, будто я была не девушкой, а вещью, выставленной на аукцион. Мне казалось, что под этим взглядом платье на мне истлевает, оставляя кожу голой и беззащитной.

Но слова застряли в горле, застряли где-то между сердцем и губами, не в силах прорваться наружу. Они жгли изнутри, как и невыплаканные мною слезы.

Отец повернулся ко мне полностью, его глаза — такие же, как у меня, но почти серые и с оттенком усталости — изучали моё лицо, скользили по чертам, ища ответы на не заданные вопросы.

— Ты боишься.

Это не был вопрос.

Я опустила взгляд, уставившись на свои пальцы.

— Да.

Он молчал несколько секунд, затем медленно покачал головой, его светлые волосы, уже тронутые сединой, слегка колыхнулись от этого движения.

— Ты помнишь? Я не смогу тебе помочь, если не знаю, чего ты боишься.

Я сжала бокал так, что он чуть не треснул, пальцы побелели от напряжения.

— Он дал мне три дня.

— Кто? — спросил отец, голос ровный, почти бесстрастный.

— Принц Тирион.

— На что? — продолжает он выпытывать из меня правду.

Я подняла глаза, встретив его взгляд.

— На то, чтобы согласиться.

Отец замер. Даже ветер, казалось, перестал шевелить листья.

— Согласиться на что?

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как воздух наполняет лёг-

кие, холодный и свежий, но не приносящий облегчения.

— Он хочет, чтобы я стала супругой принца Луи, — выдала на выдохе.

Тишина.

Где-то вдали прокричала сова.

— А что ты думаешь по этому поводу?

Я закрыла глаза.

— Я не знаю.

Это была правда. В голове крутились мысли, сотни, тысячи, все как одна.

— С одной стороны, это может быть просто его уловкой.

Я вспомнила, как Тирион улыбался мне вчера — улыбкой хищника, который уже загнал добычу в угол.

— Но с другой... если это правда, то у меня есть шанс войти в королевскую семью. Тогда нашу семью ждёт слава и почёт. И... для нас откроется много путей. И тогда...

— А что говорит тебе сердце?

Снова пауза. Я обдумала его слова, и постаралась найти ответы в своей голове.

— Что мне страшно... потому... потому что я не готова ко всему этому.

Он рассмеялся — тихо, беззвучно, его плечи слегка дрогнули.

— Раз не готова, тогда к чему раздумья? — спросил он с улыбкой, лёгкой, едва заметной, но такой тёплой, что мне вдруг захотелось прижаться к нему, как в детстве.

— А как же матушка? — прошептала я. — Она только спит и видит, как выдать меня замуж и...

— С ней я разберусь сам.

Он подошёл ближе, и я почувствовала запах его одеколона.

— А ты просто наслаждайся.

Его рука коснулась моей щеки.

— Ты молода, полна сил и пылаешь огнём. Не позволяй кому-то просто так взять и погасить тебя, цветочек.

Он поцеловал меня в лоб, а потом отстранился. Его губы были тёплыми, несмотря на прохладу ночи.

— И не гуляй долго, сегодня прохладно.

Он ушёл, шаги тихо ступали по гравию, а я осталась стоять под звёздами, с бокалом в руке, который теперь казался мне слишком тяжёлым.

Где-то в доме зажгли еще одну свечу.

Три дня.

И выбор, который, казалось, уже сделали за меня. Но стоит ли мне его принять?

Клодин Леверье

— 14 лет

— Рыжие волнистые волосы, которые, если не приводить в порядок, закручиваются в милые кучеряшки, создавая игривый и непосредственный вид.

— Голубые глаза.

— Энергичная и жизнерадостная девочка, обладающая природным обаянием. Однако ее избалованность порой заставляет её не замечать, как ее слова и поступки могут ранить старших сестер. Она стремится развлекаться и получать удовольствия от жизни, что иногда приводит к конфликтам в семье.

— Обожает «изучать конную езду». Во время поездок в семейное поместье за городом, часто проводит время в живописных уголках поместья, катаясь верхом на своем любимом скакуне.

— Страсть к сладостям заставляет её проводить время на кухне с кулинарами, где она учится делать праздничные десерты и с удовольствием их пробует.

— Несмотря на свою иногда эгоистичную натуру, Клодин искренне любит старших сестер и восхищается ими. Она видит в них образцы подражания и, в глубине души, хочет наладить более крепкие отношения, однако её недоразумения и недочеты в поведении часто ставят это на тормоз.

Глава 9

Следующим утром.

Лучи солнца, упрямо пробивавшиеся сквозь щели между плотными шторами, разбудили меня раньше обычного. Я застонала, перевернувшись на спину, и тут же почувствовала, как напряжённые мышцы плеч и шеи ноют после вчерашнего. Всю проклятую ночь я ворочалась, пытаюсь найти удобное положение, но мысли не давали покоя, заставляя сердце бешено колотиться даже в предрассветной тишине.

В воздухе витал сладковатый аромат свежеиспечённых булочек с корицей — кухня уже вовсю готовила завтрак. Где-то внизу звенела посуда, слышались приглушённые голоса слуг. Обычный утренний гул нашего дома. Но сегодня он казался мне чужим, далёким, будто я наблюдала за всем из-за толстого стекла.

Я потянулась, чувствуя, как суставы похрустывают от напряжения, и тут же вспомнила.

«Три дня»

Три дня, которые отделяли меня от решения, способного перевернуть всю мою жизнь. Или я окажусь втянута в чужую игру без права на решение.

Я зажмурилась, вжавшись в подушки, будто это могло стереть реальность. Но нет — мысли о принце, о его холодных пальцах, сжимавших мою руку вчера за чаем, о взгляде, ко-

торый скользил по моей шее, словно обжигал кожу, никуда не делись. Они висели надо мной, как дамоклов меч.

В дверь постучали — тихо, почти робко.

— Войдите, — пробормотала я, натягивая на плечи шёлковый плед, вышитый серебряными нитями.

Дверь скрипнула, и в комнату вошла горничная с лицом, ещё не утратившим деревенской свежести. Она низко склонила голову, протягивая конверт из плотной, бархатной бумаги с золотым тиснением.

— Для вас, мадемуазель.

Я взяла его дрожащими пальцами.

— Матушка в курсе.

— Велела передать вам.

— Кто принёс?

— Посыльный от Леди Вальт, — прошептала Мари, не поднимая глаз. — Он ждёт ответа.

Я медленно разломила печать — тёмно-красный сургуч с оттиском герба Вальтов. Бумага пахла лавандой и чем-то ещё, едким и дорогим — возможно, духами самой Леди Вальт.

«Дорогая Эйвелин,

Будем бесконечно рады видеть вас сегодня в нашем доме на послеполуденном чаепитии в честь вашего выхода в свет. Герцогиня де Ланже выразила особое желание познакомиться с вами поближе, как и некоторые другие наши уважаемые гости»

Последние слова были подчёркнуты с изящной игривостью, оставляя мало сомнений в том, кто эти «некоторые гости». Иелая Вистра, дочь Алатеи Вистра, чье имя всегда произносили с придыханием, словно она была не просто светской львицей, а неким божеством, решающим судьбы смертных. Иелая была всего на год старше меня и, как она заявила на одном из вечеров, ее не интересовали «обычные» женихи. Это значило только то, что она была настроена именно на корону. И еще это значило, что если я приму предложение Тириона де Вальмона — она станет моей главной соперницей.

Я опустила письмо на одеяло, чувствуя, как ладони становятся влажными. Страх? Нет... Нет, скорее — предвкушение, смешанное с острой, почти физической болью от осознания: меня теперь видят. И это небезопасно.

«Так быстро»

Всего вчера — маленький салон, приглушённый свет, чашка с нежным ароматом жасмина, который принц Луи выбрал специально для меня. «Вы же любите цветочные сорта, не так ли?» Ему и об этом доложили?

Это чаепитие с принцем должно было быть тайным — или, по крайней мере, неофициальным. Но слухи расплзались по городу со скоростью чумы, и теперь весь свет, должно быть, уже шептался о том, что принц Луи обратил внимание на скромную Эйвелин Леверье. «Обратил внимание» — какое мягкое выражение для того, что на самом деле озна-

чало «затянул в свои сети».

Тирион был прав, от меня тут мало что зависит. Разве что — не опозориться. Не дать им повода смеяться. Не показать, как дрожит сердце.

— Что ответить, миледи? — тихо спросила Мари, и её голос вырвал меня из водоворота мыслей.

Я провела языком по пересохшим губам. Отказаться? Но тогда они решат, что я трушу. Принять? Значит, войти в их игру...

— Скажи... скажи, что я буду.

Горничная кивнула и выскользнула из комнаты, оставив меня наедине с тяжёлым, сладким ужасом в груди. Что, если это ловушка? Что, если леди Вальт лишь хочет потешиться, поставить на место выскочку?

«Чаепитие у леди Вальт... Час от часу не легче...»

Я поднялась с постели, подошла к окну, и, резко дёрнув шнур, распахнула шторы. Утренний свет хлынул в комнату, ослепительно яркий, насмехаясь над моей тревогой. Как будто сам день издевался: «Ты думала, сможешь остаться в тени?»

«В честь моего выхода в свет».

Смешно. До вчерашнего дня никто и не думал приглашать меня на подобные мероприятия. А теперь — внезапная милость. Как быстро меняют правила, когда в игру вступает корона.

Столовая утопала в утреннем свете. Солнечные блики

скользили по хрустальным бокалам, играя в гранях, как в крошечных зеркалах, отражающих сотни искажённых версий меня самой. Серебряные столовые приборы лежали безупречно ровно, будто вымеренные по линейке, а белоснежная скатерть с вензелями нашего рода казалась сейчас не символом роскоши, а полем битвы — чистым, ждущим первого кровавого пятна.

В воздухе витал аромат свежеиспечённых булочек, жареного бекона и кофе с кардамоном — привычный, почти уютный, если бы не напряжение, витавшее между нами, густое, как невысказанные слова. Как будто даже воздух застыл, ожидая моего ответа.

Я замерла на пороге, чувствуя, как взгляды всех присутствующих тут же устремились ко мне. Они уже знают. Конечно, знают. В этом доме стены имеют уши, а слуги — слишком длинные языки.

— А вот и наша героиня, — проговорил отец, откладывая газету.

Его тон был лёгким, почти шутливым, но я заметила, как его пальцы чуть сильнее сжали край листа, прежде чем отпустить. Он наверняка помнит о том, что я вчера ему сказала. Ах, если бы отмотать время назад! Я бы смолчала. Но теперь поздно — слова, как птицы, вырвались на волю и их уже не вернуть обратно в клетку.

Матушка, сидевшая рядом, подняла на меня взгляд.

— Ну что, Эйвелин? — спросила она, и её голос дрогнул

лишь на мгновение, будто она поймала себя на слабости и тут же исправилась. — Как погляжу, ты все решила.

Я медленно подошла к своему месту, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, пытаюсь вырваться наружу, громко прокричав: «Это не мое тело, мне его подкинули».

Какой ужасный выбор: бежать — значит показать страх, идти — значит броситься в пасть льва... Или... львицы?

— Да, — ответила я, опускаясь на стул. — Я пойду. Как и ответила чуть ранее.

Тишина. Даже слуги замерли, будто боялись пропустить что-то важное. Они тоже понимают. Леди Вальт — не просто очередное чаепитие. Это проверка. Возможно, казнь. Ладно, может, и не казнь. Но как личности, с моральной точки зрения, да.

— Разумный выбор, — наконец произнёс отец, — Леди Вальт — влиятельная особа. Её покровительство может быть полезно.

— Полезно? — матушка резко поставила чашку.

Фарфор звонко стукнул о блюдце, и брызги кофе оставили тёмные пятна на скатерти.

— Или ты забыл, кто ещё будет на этом чаепитии?

Отец взглянул на неё холодно.

— Я ничего не забыл. Но если принц Луи действительно заинтересовался нашей дочерью, то глупо было бы упускать такой шанс.

Да. Спасибо, хорошо, что ты не упомянул, что планы были

именно у младшего брата, а не старшего.

— Шанс?! — матушка вскинула голову, и я увидела в её глазах настоящий ужас. Она не боится светского провала. Она боится того, что они со мной сделают. Нет. Боится, что все повторится снова. — Ты называешь «это» шансом?

Я взяла вилку в руку так, что металл впился в ладонь. Боль. Хорошо. Значит, я ещё чувствую. Значит, не оцепенела окончательно.

— Матушка, — тихо сказала я. — Это уже решено. Я не могу избегать Иелаю Вистра вечно. Как бы мы все этого не желали.

Хотя бы потому, что она не позволит.

— И да, я помню «что» она сделала в прошлом году, на дебюте Лауры.

Помню, как сестра выбежала из бального зала в слезах. Помню, как на утро вся наша семья внезапно уехала в провинцию, в семейное поместье. Помню шёпот матушки: «Ле-ди Вальт не прощает соперниц». И как после сестра решила оставить идею замужества и отдала себя образованию.

Матушка обернулась ко мне, и вдруг её лицо смягчилось.

— Дитя моё... — она протянула руку, коснулась моей щеки. Её пальцы были тёплыми, но дрожали, вопреки ее холодному выражению лица. — Ты хотя бы понимаешь, во что ввязываешься?

Я не ответила. Лишь коротко кивнула. Потому что понимала. Это не просто чаепитие. Это объявление войны. Вслух.

— В чём ты пойдёшь? — спросила матушка, отводя руку. Будто этого разговора и не было всего мгновение назад. Как же я завидую ее способности быстр опереключаться!

Я вздохнула.

— В голубом.

— В голубом? — она нахмурилась. — Это слишком... просто. Ты была в голубом вчера!

— Зато принцу понравилось, — пробормотал отец, снова углубившись в газету.

Матушка закрыла глаза, точно молясь о терпении.

— Хорошо. Но хотя бы добавь жемчужное ожерелье.

— Да, матушка, — ответила я привычно.

— Это будет весело, — Клодин наконец подала свой голосок. Да, только ее комментарии мне с утра пораньше и не хватало.

Я бросила на младшую сестру тяжёлый взгляд, но она лишь беззаботно улыбалась, размазывая варенье по краю тарелки. Её невинность была одновременно и благословением, и проклятием — да, Клодин ещё не понимала, что в этом мире даже улыбки имеют цену.

— «Весело» — не то слово, которое приходит на ум, — сухо заметила я, отодвигая тарелку с нетронутым завтраком. Аппетит бесследно испарился, оставив во рту горьковатый привкус тревоги.

— Но принц же такой красивый! — продолжала младшая сестрица, широко раскрыв глаза. — И он выбрал тебя! Это

же как в сказке!

Отец тихо фыркнул за газетой, а матушка сжала губы так, что они побелели.

— В сказках, дорогая, — мягко, но твёрдо сказала матушка, — принцы обычно не позволяют девушкам приходить на чаепития к своим бывшим любовницам.

Воздух в столовой снова сгустился. Даже Клодин замолчала, наконец осознав серьёзность происходящего.

Я отпила глоток холодного чая, чувствуя, как жидкость ледяным комком скатывается в желудок. Матушка была права. Леди Вальт не просто «влиятельная особа». Она была той, кого принц Луи чуть не сделал своей женой пять лет назад. Пока не нашёл себе более выгодную партию. А теперь я — его новая игрушка — иду прямо в её логово.

Глава 10

Карета остановилась у особняка Вальтов ровно за пять минут до указанного времени. Я сделала последний вдох перед боем, поправляя перчатки. Голубое платье внезапно показалось мне слишком простым, слишком уязвимым — словно я сама надела на себя мишень. Может, стоило выбрать что-то другое? Обратиться к матушке за советом?

«Поздновато ты опомнилась...» — невольно мелькнула в голове мысль.

Лакей с каменным лицом распахнул массивную дубовую дверь. Первое, что поразило — тишина. Не та благоговейная тишина, что бывает в соборах, а плотная, тяжёлая, словно воздух здесь состоял из растёртого в пыль стекла.

Я осмотрелась. Коротко. В салоне уже собралось человек двадцать. Дамы в шелках, их кавалеры в строгих фраках. Все замерли в изящных позах, будто фарфоровые куклы, чьи заводные механизмы внезапно остановились. И в центре этого застывшего спектакля — она.

Леди Вальт восседала на кушетке цвета спелой вишни, одетая в платье такого же цвета, но чуть более светлого оттенка. Её улыбка была идеальной — ни на йоту теплее или холоднее, чем требовал этикет. Но глаза... Глаза были ледяными осколками, в которых отражалась моя слишком простая голубая фигура.

— Ах, наша виновница торжества! — голос как колокольчик, но с каким-то странным, металлическим призвуком. — Мы уже начали беспокоиться.

Мишень. Говорила бы уже как есть...

Она не встала. Не сделала ни шага мне навстречу, ждала, чтобы я сама подошла. Просто протянула руку для формального приветствия, и я почувствовала, как холод её пальцев проникает сквозь тонкую ткань перчатки, едва ли расстояние между нами сократилось до положенного.

— Простите, если заставила ждать, хотела прибыть раньше, но... — я сделала реверанс, точно отработанный до автоматизма. — Дорога была... оживлённой.

Лёгкий смешок пронёсся по залу. Кто-то прикрыл веером улыбку. Я поняла свою ошибку мгновенно — аристократы никогда не жалуются на дороги. Это было слишком... простонародно.

— О, мы понимаем, — леди Вальт томно повела веером. — Для тех, кто не привык к светским приёмам, подготовка отнимает та-а-ак много времени.

Укол. Точный и изящный. Я чувствовала, как жар стыда разливается по щекам, но заставила себя улыбнуться, списав все на смущение от ее замечания.

— Вы слишком добры, что беспокоитесь о моём расписании. Мне права слова неловко...

Её глаза блеснули — она явно оценила парирование.

Не успела я и отойти, как к нам подошла Иелая Вистра.

С грацией пантеры, взглядом хищника, и в зелёном платье, с открытым декольте, но такого старомодного покроя, что приписывало ей еще пару лет сверху. Не говоря уже о причёске с каштановой копной волос, собранной на голове.

— Какое очаровательное платье, — проговорила она, — Оно... очень скромное. Как раз для первого выхода.

Я встретила её взгляд. Глаза Иелаи были цвета зимнего моря — красивыми и бездонными. Понятно, почему у ее порога толпилось столько желающих взять ее в жены. Да только она кокетливо отказывала, подавая это так, будто «не нашла еще того самого, который смог бы растопить мое сердце».

И как леди Вальт терпит ее в своем доме, если учесть, что эта девица метит на ее бывшее место?

«Уму не постижимо, сколько же в них этого... даже слова не подобрать, как это описать»

— Благодарю. А ваше... поразительно смелое. — Я позволила взгляду скользнуть по её глубокому декольте. — Видимо, для второго выхода? — уточнила я, поднимая взгляд обратно, встречаясь с ее глазами.

Тишина стала абсолютной. Даже леди Вальт приподняла бровь. Иелая слегка покраснела, но её улыбка не дрогнула.

Один : Один.

— Вот так атмосфера! — воскликнул за моей спиной знакомый голос, бархатный и чуть насмешливый. Адран Валентайн. Боги, неужели и он тут?! Сердце ёкнуло — от неожиданности или облегчения, я сама не могла понять.

— Мадемуазель Леверье! Чудесно выглядите, — делает тот мне комплимент, и его слова звучат так, будто он не просто произносит пустую любезность, а действительно замечает каждую деталь моего туалета. Он подходит, и тут же его губы касаются моей кисти, которую я протянула почти на автомате, подчиняясь его взгляду, говорящему без слов: «Я здесь. Доверься мне. Всё будет хорошо».

Адран выпрямился, и его чуть сутулая фигура казалась одновременно и элегантной, и немного небрежной.

— Герцог Валентайн, — я сделала небольшой реверанс, чувствуя, как напряжение в плечах немного спадает, словно кто-то снял с них тяжёлый плащ. — Как неожиданно встретить вас здесь.

Его появление было подобно глотку свежего воздуха в затхлой комнате, полной спёртых запахов духов и притворства. Адран всегда умел быть одновременно и своим в этом обществе, и чужим.

— Леди Вальт была так добра, что пригласила меня полюбоваться на... цветы в её саду, — он сделал многозначительную паузу, и его взгляд мельком скользнул по лицам присутствующих, — Хотя, признаться, комнатные растения оказались куда интереснее.

Леди Вальт слегка нахмурилась, её тонкие брови поползли вверх, но тут же она восстановила маску невозмутимости, будто ничего не произошло.

— Герцог всегда славился своей оригинальностью, —

произнесла она с лёгкой насмешкой, но в её голосе слышалась едва уловимая дрожь раздражения. — Как и его покойная матушка.

Укол. Второй. Грязный и точный. Семью Валентайнов всегда считали чуть ли не сумасшедшими — слишком уж они увлекались науками и искусствами вместо политических интриг, слишком часто их имена мелькали в скандальных хрониках, а не в списках почётных гостей на королевских приёмах.

Но Адран лишь улыбнулся, будто не заметил оскорбления, его губы изогнулись в лёгкой, почти невесомой улыбке, которая делала его лицо беззаботнее.

— Да, матушка учила меня цвести там, где посадили, — он повернулся ко мне, и его глаза смягчились. — Кстати, Эйвелин, вы не видели новый сорт орхидей в оранжерее? Говорят, они цветут в оборот обычным цветам — только при лунном свете. Как жаль, что сейчас день и их бутоны закрыты. Однако, думаю, они будут не менее прекрасны и сейчас.

Это была спасательная шлюпка, брошенная в бушующее море светских условностей и намёков. Я ухватилась за неё, чувствуя, как лёгкость возвращается в мои движения.

— Я лишь...

— Как мило, — перебила Иелая, голос прозвучал сладко, но с ядовитым подтекстом, — Герцог Валентайн всегда находит самых... необычных спутниц для своих ботанических экскурсий.

Её намёк прозрачен, как стекло. Не забыла она того факта, что Адран славился тем, что водил в оранжерею дам, с которыми хотел уединиться, и ходили слухи, что его интерес к ботанике был лишь прикрытием для более... интимных бесед. А также, не стоило забывать о том, что он уже дважды сватался в нашу семью к моим старшим сестрам, и оба раза получал вежливый, но твёрдый отказ. А теперь приглашает меня уединиться.

Но прежде чем я успела ответить, дверь снова открылась, и в проёме возникла высокая, статная фигура. На пороге стоял принц Луи.

«Ему что тут надо?!»

Я невольно нахмурилась.

Он замер на мгновение, его холодные, как лёд, глаза скользнули по Адрану, чьи пальцы всё ещё лежали на моей руке, затем перешли на Иелаю, и наконец остановились на леди Вальт. На его лице появилась та самая улыбка, что в первый раз заставила меня чувствовать себя мышью перед котом.

— Кажется, я прервал самое интересное, — произнёс он, а голос заполнил комнату, обволакивая каждого и лишая их воли.

Все склонились в поклонах. Все, кроме Адрана. Он лишь слегка наклонил голову, не отпуская моей руки, и не давая склониться мне.

— Ваше Величество, — его голос звучал непринуждённо,

почти дерзко, будто он обращался не к наследнику престола, а к старому знакомому. — Мы как раз обсуждали достоинства голубого цвета. Не находите, он особенно идёт мадемуазель Леверье?

Принц медленно перевёл взгляд на меня, и в его глазах мелькнуло что-то тёмное, почти хищное. Как тогда. На чаепитии.

— Голубой? — он произнёс это слово так, будто оно было ему противно. — Нет, я бы сказал, что алый куда больше подошёл бы к её... темпераменту.

Я нервно сглотнула. Все еще не стоит забывать о том, что я посмела дерзить ему, когда мы были наедине. Но сейчас то... другой случай...

Принц сделал паузу, наслаждаясь напряжением, которое висело в воздухе. Его взгляд, тяжёлый и оценивающий, заставил меня почувствовать себя совершенно обнажённой перед этим собравшимся обществом. Алый... Цвет крови, страсти и греха. Он намеренно выбрал его, чтобы бросить тень на мою репутацию? Или правда хотел видеть меня в нем? Станный он.

Адран пальцами слегка сжал мою руку, напоминая о своём присутствии.

— Алый, ваше высочество, — парировал герцог с лёгкой улыбкой, — это, бесспорно, цвет сильных мира сего. Но он так часто встречается в этих стенах, что, пожалуй, несколько... примелькался. Тогда как голубой... Цвет верности, глу-

бины и неизведанных тайн. Разве не так? Он заставляет задуматься, что скрывается под спокойной поверхностью.

Леди Вальт, наконец, поднялась с кушетки. Движение было плавным и беззвучным, едва заметным. Для мужчин. Я то заметила.

— Господа, — её колокольный голос вновь зазвучал, на этот раз с оттенком лёгкого упрёка, — вы забываете, что наш скромный вечер — не аукцион, где торгуются за право выбрать цвет для юной леди. Даже для вас, ваше Величество, это выглядит как грубость. Мадемуазель Леверье, прошу простить их мужское рвение. Они, как дети, иногда увлекаются.

Её слова были формально обращены ко мне, но взгляд был прикован к принцу, ища его одобрения. Она мастерски переводила стрелки, пытаясь снять напряжение и вернуть контроль над ситуацией. И не забыла при этом перевести внимание на себя.

Принц Луи медленно прошёл через зал, и гости расступались перед ним, как море перед кораблём. Он остановился в шаге от меня, совершенно игнорируя Адрана.

— Леди Вальт права, — произнёс он, и его голос притих, став почти интимным, что было в тысячу раз опаснее. — Зачем спорить о теории, когда можно оценить практику? Мадемуазель Леверье, я надеюсь, вы сэкономите для меня танец на будущем балу?

— Стою ли я хоть толику вашего внимания, когда кругом

столько красивых юных леди? — я попыталась вежливо отказать, но не тут то было.

— Отнюдь. Мне не терпится убедиться, соответствует ли ваш... темперамент... моему вкусу.

Это был не вопрос, а приказ, замаскированный под светскую любезность. Отказаться было невозможно без риска навлечь на себя и свою семью настоящий гнев.

Я сделала самый глубокий реверанс за весь вечер, чувствуя, как ледяная волна страха сменяется странным, бунтарским жаром.

— Я буду польщена, ваше Величество, — мой голос прозвучал удивительно ровно.

— Орхидеи, мадемуазель Леверье, всё же ждать не намерены, — снова вклинился в разговор герцог, буквально встав между нами в пол оборота ко мне, — Они, как и некоторые люди, цветут вопреки обстоятельствам. Проявите ко мне немного жалости и спасите от скуки этого вечера. Подарите мне честь показать вам оранжерею.

Он предложил руку. И глядя на его насмешливый, тёплый взгляд, я поняла, что это не просто побег. Это был ответный ход принцу.

Я положила ладонь ему на руку.

— С огромным удовольствием, герцог. Прошу простить, ваше Величество! — обратилась я к Луи, — Во мне слишком много детского любопытства.

И мы вышли из салона, оставив за спиной гул возмущён-

ного шёпота и ледяной взгляд принца, который, я знала, будет ждать своего часа. Бой может и был проигран, но война только начиналась.

Иелая Вистра

Иелая Вистра

– 19 лет

– Рыжие, почти каштановые волнистые волосы, обычно собранные на затылке или макушке, открывая вид на шею и создавая впечатление легкости и игривости.

– Глаза цвета зимнего моря.

– Яркая, энергичная и хитроумная особа. Она любит оказывать влияние на окружающих и использует свою обаяние и остроумие для манипуляции.

– Отлично владеет искусством ведения слухов и сплетен, благодаря чему легко манифестирует свои планы и амбиции.

– Обожает коллекционировать редкие артефакты и книги о магии. Каждый новый экспонат в ее коллекции – это не только предмет гордости, но и источник вдохновения для новых интриг.

– Видит в главной героине своего соперника, делая всё, чтобы подорвать ее статус и уверенность. Надеется использовать свои интриги как средство к разрушению надежд главной героини, в то время как сама пытается выстроить свою собственную династию могущества, завладев сердцем наследного принца.

Глава 11

Воздух здесь был ощутимо прохладнее, чем в душном салоне, и я с облегчением сделала глубокий вдох. Впервые за весь вечер мои лёгкие наполнялись не тяжёлым ароматом духов и воска, а живительной свежестью.

Прохлада окутала плечи. Я провела здесь не так много времени, а уже готова была бежать от навязчивых взглядов и фальшивых улыбок — и чем дальше, тем лучше. Может, матушка была права? И я не готова?

Адран шёл быстро, его шаги были почти бесшумными на мягком персидском ковре. Он не отпускал мою руку, его пальцы лежали на моей ладони твёрдо и уверенно, словно спасательный круг в бушующем море светских условностей. Та самая поддержка, которой мне так отчаянно не хватало.

— Спасибо, — выдохнула я, когда мы свернули в более узкий, слабо освещённый коридор, где стены, украшенные гобеленами, казалось, смыкались над нами. — Я думала, меня там съедят заживо.

— Они бы точно попробовали, — в его голосе прозвучала та самая насмешливость, что всегда сбивала с толку светских дам. — Но ты держалась прекрасно. Особенно с Иелайей. «Для второго выхода» — это было блестяще.

— Мне она не нравится.

— Мне тоже. Но говорить ей об этом прямо в лицо —

стоит только наедине.

Мы спустились по небольшой винтовой лестнице, ступени которой были выточены из тёмного дуба, и перед нами открылась массивная стеклянная дверь в чугунной оправе. За ней виднелся настоящий тропический лес в миниатюре — знаменитая оранжерея леди Вальт, место, о котором ходили легенды.

— Нам вообще можно тут быть? — я окинула взглядом заросли, подсвеченные мягким золотистым светом магических фонарей.

— Гостям не запрещено. Входи. — Адран распахнул дверь, и на нас пахнуло влажным теплом, густым запахом земли, прелых листьев и сладковатого аромата экзотических цветов.

Внутри царила почти священная тишина, нарушаемая лишь изредка мягким потрескиванием нагретого стекла под куполом и тихим журчанием где-то в глубине. Высокие пальмы почти касались стеклянного свода, неведомые мне цветы цвели причудливыми гроздьями, свисая с веток, а по стенам вились лианы с огромными восковыми бутонами, отливающими перламутром.

— Здесь нет лунных орхидей, не правда ли? — спросила я, чувствуя, как влажный воздух оседает на коже.

Адран улыбнулся, и в его глазах вспыхнул тот самый огонёк, который всегда появлялся, когда речь заходила о его страстях.

— Нет. Но есть нечто куда более интересное, — он провёл меня по узкой дорожке, выложенной гладкими речными камнями. — Видишь вон те тёмно-бордовые цветы с почти чёрными листьями?

Я кивнула. Цветы были странными и пугающими — их лепестки были толстыми, мясистыми, а из центра каждого выглядывало нечто, напоминающее зубастый рот с мелкими шипами.

— Это плотоядные растения леди Вальт, — его голос понизился до шёпота, и он наклонился чуть ближе. — Она коллекционирует их. Говорят, кормит их... особым кормом.

По моей спине пробежали мурашки.

— Ты хочешь сказать...

— Я ничего не хочу сказать, — перебил он, но его взгляд был красноречивее любых слов. — Просто интересное совпадение, что её муж исчез прошлой весной после того, как увлёкся садоводством.

— Зачем ты мне это рассказал? — возмутилась я, чувствуя, как сердце забилось чаще. — Я же теперь не усну!

— Зато теперь ты не будешь думать о том, что о тебе говорят за твоей спиной.

Мы прошли дальше по извилистой тропинке, и я заметила, как Адран время от времени оглядывается через плечо, будто проверяя, не скрывается ли в тени чьё-то невидимое присутствие.

— Почему мы здесь? — спросила я наконец, останавли-

ваясь. — И не говори про цветы.

Он остановился перед огромным кустом, усыпанным цветами невероятного сапфирового оттенка.

— Потому что «ты» здесь, — сказал он просто, и его взгляд стал необычайно серьёзным. — И потому что принц Луи слишком заинтересовался тобой. А когда принц слишком интересуется кем-то... это редко кончается хорошо.

— Откуда ты...

— Я тоже читаю газеты, Эйвелин. — В уголках его губ дрогнула усмешка.

— Он просто...

— Он ничего не делает «просто», — Адран сорвал один из цветков и протянул мне. — Вот. Настоящий голубой. Не тот бледный оттенок, что на тебе сегодня.

И снова сменил тему, не дав мне и слова вставить! Что за мужчина?!

Я взяла цветок. Лепестки были бархатистыми на ощупь, а запах — горьковатым и пьянящим.

— Почему ты помогаешь мне? — прошептала я. — Твоя семья... моя семья...

— Думаешь, после отказа твоих сестёр мои родители держат на вас обиду? — он покачал головой. — Наши семьи — это прошлое. А я всегда смотрю в будущее. И в твоём будущем я вижу ловушку, расставленную принцем. И капкан, приготовленный леди Вальт. А мы с тобой друзья. Или нет?

— Конечно мы...

Вдалеке скрипнула дверь. Адран мгновенно изменился — его осанка вновь стала небрежной, а на лице появилась лёгкая дежурная улыбка.

— Ах, вот и они! — воскликнул он громче, чем необходимо. — Настоящие лунные орхидеи! Пойдёмте, я покажу.

Он увлёл меня за собой, но я успела заметить, как в дальнем конце, за зарослями папоротников, промелькнула знакомая зелёная юбка Иелаи.

Адран наклонился ко мне, делая вид, что указывает на невидимое растение.

— Она докладывает принцу, — прошептал он так тихо, что я едва расслышала. — Они все его глаза и уши.

— Почему? — удивилась я. — Она же метит на место леди Вальт...

— Именно поэтому. И потому, что принц скоро займёт трон. Но даже так ему нужны все возможные союзники. Даже если это означает поддерживать глупую девицу, которая мечтает заменить одну ядовитую змею на другую, и занять место подле него.

Мы сделали круг, разговаривая о цветах достаточно громко и небрежно, но когда мы снова приблизились к двери, Адран внезапно остановился.

— Эйвелин, — сказал он тихо, и в его голосе прозвучала неподдельная тревога. — Будь осторожна.

Дверь открылась, и на пороге появился слуга с каменным выражением лица.

— Мадемуазель Леверье, герцог Валентайн. Десерт подают.

Адран снова стал тем легкомысленным аристократом, каким его все знали.

— Ах, отлично! — воскликнул он, предлагая мне руку. — Я просто умираю с голоду. Надеюсь, леди Вальт приготовила что-нибудь... экзотическое.

Его шутка показалась невинной, но я почувствовала, как холодок снова пробежал по моей спине.

Мы пошли обратно в салон, и с каждым шагом тревожное предчувствие становилось всё сильнее, окутывая меня, словно туман.

— Похоже, компания герцога вам нравится куда больше, — заговорил Луи-Август, бесцеремонно усевшись напротив. Его поза была нарочито расслабленной, но в глазах читалась холодная расчетливость. Кто посмеет сделать ему замечание? Он принц, и его воля — закон в этих стенах. Но от этого его бесцеремонность — подсесть к незамужней девушке без приглашения — не становилась менее неприличной. Даже если она сидела в одиночестве, это не давало ему права на такую фамильярность.

Адран уехал — посыльный сообщил, что герцога срочно куда-то вызывают. Его исчезновение было слишком внезапным, чтобы быть простым совпадением. Леди Вальт, в начале ужина хоть как-то исполнявшая обязанности хозяйки,

после трапезы отошла к кружку других дам. Их тихий смех и перешёптывания звучали отдалённым гулом, напоминая, что я здесь чужая. Я же сослалась на лёгкое недомогание и осталась за своей чашкой чая, надеясь, что одиночество даст мне передышку. Наивная надежда.

Принц наблюдал за мной своим пронзительным взглядом, который, казалось, видел всё — и моё напряжение, и попытки скрыть его. Он медленно помешивал ложкой в своей чашке, и каждый звук касания фарфора отдавался в тишине, словно отсчитывая секунды до чего-то неизбежного.

— Чай, должно быть, уже остыл, — добавил он, не дав мне ответить на первый вопрос, — Не хотите ли свежего? Или, может, что-то покрепче? Иногда даже самые стойкие нуждаются в поддержке после напряжённого вечера.

Я попыталась улыбнуться, но губы плохо слушались. Меня его излишнее внимание даже слишком напрягает.

— Благодарю, ваше Величество, но я вполне довольна. Просто... немного устала от сегодняшних событий.

— Понимаю, — он кивнул, но в его глазах не было ни капли понимания, лишь любопытство хищника, изучающего добычу. — Общество может быть утомительным, особенно когда приходится балансировать между столькими... интересами. Герцог, леди Вальт, даже я — все мы хотим чего-то от вас, по вашему мнению, не так ли?

Я почувствовала, как по коже снова побежали мурашки.

— Я всего лишь стараюсь быть вежливой со всеми, ваше

Величество. В конце концов, это мой долг как гостя.

— Долг, — повторил он с лёгкой насмешкой. — Интересное слово. Но иногда долг приказывает одно, а сердце — другое. Например, долг велит вам быть сдержанной с герцогом, но сердце, возможно, тянется к его... компании. Или наоборот? Скажите, что я не прав.

Он сделал паузу, давая мне время осознать намёк. Я чувствовала, как краснею, хотя старалась сохранять холодность.

— Я не думаю, что мои чувства должны кого-либо интересовать. Герцог Валентайн — давний друг нашей семьи. Ему больше нравилось общество моих сестёр, нежели моё. Если вы об этом.

— Ваши сёстры, — произнёс он, растягивая слова, пробуя их на вкус. — Да, конечно. Но мы сейчас говорим о вас. И о том, почему «именно вас» герцог пригласил... осмотреть чужую оранжерею.

Так в чём же дело!

— Ваше Величество, — я улыбнулась легко и непринуждённо, отставляя чашку чуть в сторону, — Вы что, ревнуете?

Его глаза сузились, но уголки губ дрогнули в подобии улыбки. Он откинулся на спинку стула, оценивающе меня оглядывая.

— Ревную? — повторил он с лёгким презрением. — К герцогу? Милая, вы переоцениваете и его, и себя. — Он провёл пальцем по краю блюда. — Но интересно... почему именно это пришло вам в голову. Может, вам хотелось бы,

чтобы я ревновал?

Да. Он перевернул всё с ног на голову, заставив мои слова работать против меня.

— Я лишь предположила, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ведь только ревность могла бы объяснить столь пристальное внимание к моим... прогулкам. И моей скромной персоне.

Принц тихо посмеялся.

— Кто знает... кто знает...

Бонус. Арт. Глава 11

Глава 12

Итоги вечера я подводила в полной тишине спальни. Лишь потрескивание догорающих свечей в канделябре нарушало безмолвие, а отблески пламени плясали на стенах, цвета утренней розы, отбрасывая причудливые тени — точное отражение моих мыслей.

Общество леди Вальт оказалось ужасным — их фальшивые улыбки и ядовитые комплименты до сих пор звенели в ушах. Иелая Вистра, с её хищным, этим ярким макияжем и привычкой трогать рукав собеседника, особенно, если это мужчина, — особа отвратительная. И чай с принцем... уже второй раз за неделю. Это походило на опасную, навязчивую привычку. Как и его внимание — неотступное, изучающее, словно взгляд коллекционера, оценивающего редкий экспонат.

Я устало выдохнула, с трудом отстегнув крючки сложного вечернего платья. Ткань, тяжелая от вышивки и бисера, с шелестом соскользнула на пол, оставив на коже легкий холодок. Потушив свечи, я забралась в постель, уткнувшись лицом в прохладную шелковую подушку, пахнущую лавандой. Матушка, встретившая меня в прихожей, лишь молча кивнула, её взгляд был усталым и отстранённым. Она не задавала лишних вопросов, и за эту маленькую милость я была ей безмерно благодарна.

«Это был лишь временный глоток спокойствия», — промелькнуло у меня в голове. Где-то в глубине души я уже знала — утром допрос неизбежен, особенно после получения утренней газеты.

Пол ночи я ворочалась и не могла уснуть. А потом... Потом утро пришло слишком быстро, настырное и безжалостное. Солнечный луч пробился сквозь неплотно сомкнутые шторы из тяжелого бархата и упал прямо на лицо, заставив меня зажмуриться и с раздражением отвернуться к стене. Голова гудела от вчерашних событий — смех, музыка, шёпот, — а на языке всё ещё стоял горьковатый, терпкий привкус того самого цветка, что дал мне Адран, и липкий холод тревоги, который он же посеял где-то глубоко внутри.

Едва я успела прикрыть глаза ладонью, пытаюсь отсрочить неизбежное, как дверь в спальню с глухим стуком распахнулась без предупреждения — верный признак того, что матушка уже в курсе происходящего и её настроение далеко от миролюбивого. На пороге, залитая светом из коридора, стояла она — в строгом утреннем капоте из тёмно-синего шелка, сжимая в руке свежий номер «Светской хроники», развёрнутый на злополучной странице.

— Эйвелин Леверье, — её голос прозвучал негромко, но от того не менее властно, — не соблаговолишь ли объяснить, что, по твоему разумению, означает сие?

Не дожидаясь ответа, она подошла, и резким жестом швырнула газету на мою кровать. Листы зашуршали, скользя

по шелковому покрывалу цвета слоновой кости. Черно-белая карикатура изображала меня вчерашнюю — в оранжевое с Адраном. «Художник» уловил тот момент, когда герцог наклонялся ко мне, его лицо было скрыто, что делало позу подозрительно интимной, а моё выражение — застигнутым врасплох. Рядом еще одна. Из-за стола с принцем. Заголовок жирным шрифтом ядовито кричал: *«Новая фаворитка? Герцог Валентайн и принц Луи-Август: кто же завоюет сердце юной дебютантки?»*

Я ощутила, как кровь мгновенно отливает от лица, оставляя кожу леденеть. Кончики пальцев похолодели.

«Значит, не показалось, что за нами следили... Кто-то специально дожидался этого... кадра».

— Матушка, это всего лишь сплетни, дешёвая желтая журналистика... — я попыталась приподняться на локте, голос зазвучал сдавленно, но она резким движением руки остановила меня.

— Сплетни? — она ахнула с притворным ужасом, подходя к окну и с силой дёрнув за шнур. Шторы с скрипом разъехались, залив комнату слепящим светом. — Вчера — приватная прогулка с герцогом, известным своей... своеобразной репутацией! Затем — чай, практически наедине, с его высочеством! А сегодня — это! — она ткнула длинным пальцем в сторону газеты. — Ты хоть на миг осознавала, когда делала это, деточка моя, что твоё имя будут перемывать в каждом салоне? И поверь, не в том ключе, в каком я надеялась его

преподнести!

Я молчала, сжав челюсти до боли, глотая подступивший к горлу комок. Объяснить ей? Сказать, что оранжерея была попыткой спастись от удушающего внимания, а не романтическим свиданием? Что принц сам с бесцеремонностью подсел ко мне, а Адран... Адран предупреждал меня о том, что так и будет? Она бы не поняла. Для неё это шахматная доска, а я — всего лишь пешка на ней. Отец бы понял... Его спокойная натура увидела бы здесь схему, ходы и последствия. Но его не было в комнате сейчас.

— Герцог Валентайн — партия блестящая, но опасная, — матушка начала мерно расхаживать по ковру, больше рассуждала вслух, чем обращалась ко мне, — Его семья до сих пор не простила нам отказа твоих сестёр. А принц... — она резко остановилась у стола, оперлась о столешницу рукой, и в её глазах, пойманных отражением в зеркале напротив, мелькнуло нечто похожее на животный страх. — Луи-Август — не тот, с кем стоит играть в игры, Эйвелин. Его интерес — лезвие бритвы. Ты окажешься либо на вершине, либо в бездне. И я не уверена, что наша семья готова к такому риску. Мартина бы...

— Довольно! — Прозвучало тихо, но с такой ледяной твёрдостью, что матушка вздрогнула и обернулась, широко раскрыв глаза. Будто мне и своей собственной головы, разрывающейся от хаоса, не хватает. Её вечное «а вот сестра» стало последней каплей. Мартина была для нее пределом

гордости. Дебютантка с превосходными данными так успешно вышедшая замуж, а после еще и принесящая внуков...

— Матушка, я прекрасно понимаю ваше волнение. Вы можете сколь угодно злиться на меня, и высказывать претензии. — Я поднялась на подушках, сжимая в руках складки покрывала, чувствуя, как нарастает давно копившееся раздражение. Оно поднималось комом к горлу, горячее и горькое. — Но противопоставления мне Мартины я больше не потерплю. Никогда.

Я нахмурилась сильнее, чувствуя, как сходятся брови. В памяти всплыли образы прошлого: гордое, обиженное лицо Лауры, держащей чемодан с вещами, хлопнувшей дверью, гробовая тишина в доме после ее отъезда.

— Разве мало вам было последствий ссоры с Лаурой? — выпалила я, и слова прозвучали громче, чем я планировала, нарушив тягостную тишину спальни. — Она теперь даже не приезжает, не пишет... и все из-за ваших вечных упреков!

Ей не понравилось, что я ткнула ее в самую болезненную, незаживающую точку. Ее лицо, обычно безупречно контролируемое, исказила мгновенная вспышка ярости. Из бледного оно стало алым, а глаза сузились до двух опасных щелочек.

Матушка резко сократила расстояние между нами. Пахнувший дорогими духами шелк ее халата взметнулся. Она стремительно замахнулась — изящной рукой с тонкими ухоженными пальцами — и со всей силы опустила ее на мою

щеку.

Удар прозвучал глухо и оглушительно одновременно. В ушах зазвенело, а на коже мгновенно вспыхнул жгучий, пылающий след.

Матушка могла изводить колкими словами, ледяным презрением, уничтожающим молчанием, но никогда — физической силой. Это было за гранью.

В глазах от шока и боли мгновенно выступили предательские слезы, застывая взгляд блестящей пеленой. Но я сжала зубы до хруста, впиалась ногтями в ладони и не позволила ни одной скатиться по пылающей щеке. Я выдержала ее взгляд, полный гнева и чего-то еще, похожего на ужас от собственной несдержанности.

— Еще раз посмеешь попрекнуть меня этим, — прошипела она тихо, но так, что каждый звук впивался в кожу, как игла. Ее дыхание сбилось. — И сильно пожалеешь...

Резко развернувшись, она направилась к выходу. У двери замерла, не оборачиваясь.

— Мы с отцом уезжаем. В центр. А ты останешься дома, и подумаешь над своим поведением, — ее голос снова стал гладким и холодным, будто ничего и не произошло. Сказала — и вышла, притворив за собой дверь без единого звука.

Я осталась одна в тихой комнате, прислушиваясь к затихающим в коридоре шагам и ощущая на щеке пульсирующий, унижительный след ее пальцев.

«Она никогда меня не била...»

Глава 13

В постели я пролежала еще час, не в силах сдвинуться с места. Голод давал о себе знать сосущей пустотой под ребрами, но мысль о еде вызывала лишь тошноту. Солнечные лучи медленно ползли по стене, пересекая позолоту рамы с картиной.

Я лежала, уставившись в замысловатый узор лепнины на потолке, безуспешно пытаюсь найти в завитках аканта и розетках ответ на все происходящее. Но гипсовые цветы молчали. Свет за окном постепенно менялся: с ослепительно-золотого, каким он был в момент ухода матери, на мягкий, уползающий к полудню.

Жгучее пятно на щеке сменилось тупой, глубокой пульсацией, отдававшей в висок. С тихим стоном я перевернулась на бок, уткнувшись лицом в прохладный шелк подушки, пытаюсь заглушить и физическую боль, и душевную. Аромат лаванды, обычно успокаивающий, сейчас казался удушающим и приторным.

За этот час я вставала лишь раз, чтобы приоткрыть окно на проветривание, и снова рухнула в постель, накрытая тяжестью безысходности.

«Никогда... Она никогда раньше не поднимала на меня руку...» — эта мысль звучала навязчивым рефреном, смешиваясь с едва слышным шелестом газетных листов, все еще

лежавших на покрывале, словно ядовитые змеи.

Наконец, собрав всю волю в кулак, я заставила себя подняться окончательно. Ноги были ватными, голова — тяжелой. Пол под босыми ногами показался ледяным.

Я медленно, как сомнамбула, подошла к овальному зеркалу в резной раме. В отражении на меня смотрела бледная, почти прозрачная девушка с огромными, затемненными глазами, в которых стоял немой вопрос, и с ярким алым отпечатком на левой щеке. Медленно, почти с опаской, провела кончиками пальцев по воспаленной коже, вздрогнув от собственного прикосновения. Это было реально. Это случилось. И этот след был не только на коже, но и на чем-то глубоко внутри.

С тихим стуком дверь в комнату приоткрылась, и в щель просунулась встревоженная голова нашей старшей горничной, Агаты. Ее доброе, обычно умиротворенное лицо было искажено беспокойством.

— Мадемуазель Эйвелин? — её шёпот нарушил гнетущую тишину. — Вам... не принести ли чего? Может, чаю с ромашкой? Или холодного компресса?.. — её взгляд скользнул по моей щеке, и она поспешно опустила глаза, смущенно теребя край своего белоснежного передника, но я успела заметить в них испуг и безмолвное сочувствие. Похоже, она уже была в курсе событий. Неужто матушка постаралась? Надо же, чувствует себя виноватой? Или боится, что останется синяк и такую неприглядную замуж побыстрее не вы-

дать?

— Нет, Агата, спасибо, — мой собственный голос прозвучал хрипло и непривычно глухо, будто кто-то другой говорил моими устами. — Я не голодна.

— Барин и барыня, с вашей младшей сестрой, уехали с пол часа назад, — тихо, почти конспиративно сообщила она, все еще не решаясь переступить порог. — Сказали, что вернутся поздно. И чтобы вы... чтобы вы никуда не выходили и никого не принимали.

Я лишь молча кивнула, не в силах произнести больше ни слова. Ком в горле снова дал о себе знать. Агата постояла еще мгновение, полное немого вопроса и жалости, затем так же бесшумно прикрыла за собой дверь, оставив меня наедине с моими мыслями.

Тишина, ставшая еще глубже после ее ухода, длилась недолго.

— Занимаешься самокопанием вместо того, чтобы очаровывать моего братца? — раздался насмешливый, до боли знакомый голос прямо у меня за спиной.

Я вздрогнула, сердце бешено заколотившись в груди, и резко обернулась. Как? Дверь была заперта!

В центре комнаты, непринужденно облокотившись о резную стойку кровати, стоял он. Младший принц — Тирион. Точная, но испорченная копия старшего — с той же ускользающей, немного наглой улыбкой. Кожа чуть более серая, взгляд острее, а волосы не аккуратно уложены на голове, а

так, будто тот просто привычно зачесал их рукой назад, придавая себе вид небрежной элегантности.

— Что вы... — вырвалось у меня пересохшим горлом. Я машинально скрестила руки на груди, пытаюсь прикрыть тонкую батистовую сорочку, совершенно неподобающую для приема гостей, особенно королевской крови. Да. Я была застигнута врасплох, унижена и абсолютно беззащитна! Но ему, очевидно, было на это плевать.

— Что я здесь делаю? — он закончил за меня фразу, сделав легкий, почти танцующий шаг вперед. Взгляд скользнул по моему лицу, задержался на пятне гнева на щеке, и улыбка стала чуть менее насмешливой, чуть более... заинтересованной. — Скучно стало при дворе. Решил, что навестить новую любимую героиню светской хроники будет куда занятнее.

Он приблизился вплотную, почти в упор. А потом склонился, едва ли не касаясь моих губ своими.

— И на будущее, если не желаешь гостей, не оставляй окно открытым.

Я отпрянула, на сколько позволяло расстояние, упершись спиной в зеркальную гладь. Было дико неловко стоять с ним в таком виде.

— Ни один приличный гость, — прозвучал мой собранный, холодный голос, — не заходит через окно. Особенно в комнату к незамужней девушке, — добавила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он отступил на шаг, давая мне передышку, но его взгляд,

пронзительный и насмешливый, не отпуская.

— О, милая Эйвелин, — произнес он, разваливаясь в кресле у моего туалетного столика с видом полнейшего собственника. Взял в руки мою серебряную щетку для волос, повертел ее в длинных пальцах. — Если бы я искал приличных путей, я бы до сих пор слушал, как мой братец недоволен тем, что какой-то там герцог посмел нагло повести себя на чаепитии.

— Звучит так, будто он и правда ревнует, — вслух, не подумав, произнесла я.

— Тоже так считаешь? — он хмыкнул. Я почувствовала как краснею. При этом типе лучше выбирать выражения.

— Я не это...

— Бро-о-ось, — почти пропел он, — Мы в одной лодке. И раз уж так вышло... ты подумала над моим предложением?

Я замерла, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Его предложение. То самое, о котором мы говорили совсем недавно, когда он с той же невыносимой легкостью предложил мне стать невестой его брата.

— Вы не могли серьезно это предлагать, — выдохнула я, цепляясь взглядом за резные узоры на спинке кресла, лишь бы не видеть его насмешливого прищура. — Это же... безумие.

— Самое рациональное безумие из всех возможных, — парировал он, откладывая щетку и поднимая на меня взгляд. В его глазах не было привычного ехидства — лишь холодная,

отточенная сталь расчета. — И я не шутил. Ты получаешь титул, защиту от семейных манипуляций и... мое невмешательство. А я получаю свободу. Мой брат будет так счастлив, что наконец-то женится на столь «подходящей» особе, что перестанет докучать мне напоминаниями о семейном долге. Все в выигрыше.

Он встал и снова приблизился. Теперь мне уже некуда было отходить. Я просто стояла, смотря снизу вверх в его янтарные глаза.

— А что ты теряешь? — он мягко коснулся кончиками пальцев моей щеки. — Кроме иллюзий о семейной идиллии?

— А если он... если ваш брат узнает? — прошептала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки от его касания, не от страха, а от чего-то другого, от какого-то странного волнения. — Это же обман. Измена короне, предательство самого высокого уровня.

Тирион рассмеялся — коротко, беззвучно.

— Милая, при дворе все строится на обмане. Брак моего брата с тобой — попытка обмануть весь свет, создав видимость идеального союза. Я же предлагаю всего-навсего... перенаправить ложь в нужное русло. Ко всеобщему благу. К тому же... как доподлинно известно, «стерпится слюбится», всё устроится само собой.

Он сделал паузу, давая мне время осознать сказанное.

— Подумай, Эйвелин, — склоняется он к моим губам, — Ты можешь остаться здесь, с синяком на щеке и клей-

мом непокорной дочери, которую стараются поскорее сбыть с рук. Или можешь выйти из этой комнаты будущей королевой. С властью. С уважением. С родительским... одобрением...

Сердце заколотилось так громко, что, казалось, его отзвуки наполняют всю комнату. Его дыхание смешалось с моим. Взгляд его был пристальным, изучающим, будто он видел не просто испуганную девушку в ночной сорочке, а все мои тайные мысли, все те мятежные желания, которые я сама в себе боялась признать.

Я должна была оттолкнуть его. Кричать. Сделать что угодно, чтобы прекратить это безумие. Но вместо этого мои пальцы непроизвольно сжали складки батиста на груди, а взгляд застыл на его губах, которые казались такими близкими и такими привлекательными. Мысль о том, что он чертовски красив сейчас, пронзила сознание, совершенно неуместная, но от этого не менее сильная.— Вы... Вы пользуетесь моим положением. Это непорядочно.

— Я остаюсь при своем мнении, порядочность — скучная и неэффективная валюта при дворе, — он произнес это почти беззвучно, по телу пробежала предательская дрожь. — Я предлагаю тебе власть. А ты думаешь о приличиях. Ответь на один вопрос, Эйвелин: чего ты боишься больше? Моего внезапного визита... или того, что твои родители вернутся и найдут тебя здесь, в слезах, с отпечатком на щеке и без всяких перспектив?

— Я... Я....

— Ты? — он мягко улыбнулся, наклонив голову на другой бок.

— Я согласна.

Визуал. Тирион.

— Младший принц

— Возраст: Неизвестен (на 3 минуты младше Луи-Августа)

— Имеет схожие черты внешности с Луи-Августом, но с более игривым и неформальным выражением лица. Также его оттенок кожи кажется на фоне брата более серым.

— Может иметь необычные оттенки глаз, которые отражают его эмоциональное состояние — от яркого синего до фиолетового.

— Импульсивный характер ведет к тому, что он часто попадает в неприятности, что становится главной причиной головных болей для Луи-Августа.

— Обладает остроумным чувством юмора и часто использует его, чтобы разрядить обстановку или отвлечь от серьезных дел.

Отношения между братом и Луи-Августом можно охарактеризовать как одновременно напряженные и полные привязанности. Несмотря на то что младший брат часто становится причиной головных болей для старшего, они связаны крепкими узами:

Конфликты: Младший брат может провоцировать стар-

шего на всплески гнева, но тем не менее всегда остается верным союзником в сложных ситуациях.

Забота: Луи-Август испытывает огромную защитную инстинктивность к младшему брату и часто пытается направить его на правильный путь. Однако это приводит к постоянным спорам о свободе выбора.

Искусство: Увлечен искусством и музыкой, часто занимается творчеством, что отвлекает его от серых будней.

Эксперименты: Постоянно пробует новое — от нестандартных способов питания до изучения магических заклинаний, чтобы удивить старшего брата.

Глава 14

Он исчез так же внезапно, как и появился, оставив меня стоять посреди комнаты с дико бьющимся сердцем и головой, полной противоречивых мыслей. Воздух, казалось, снова застыл, но теперь он был наполнен не прежней безысходностью, а щекочущим нервы ожиданием. Я чувствовала, как по спине бегут мурашки, но не от страха, а от осознания того, что я сделала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.